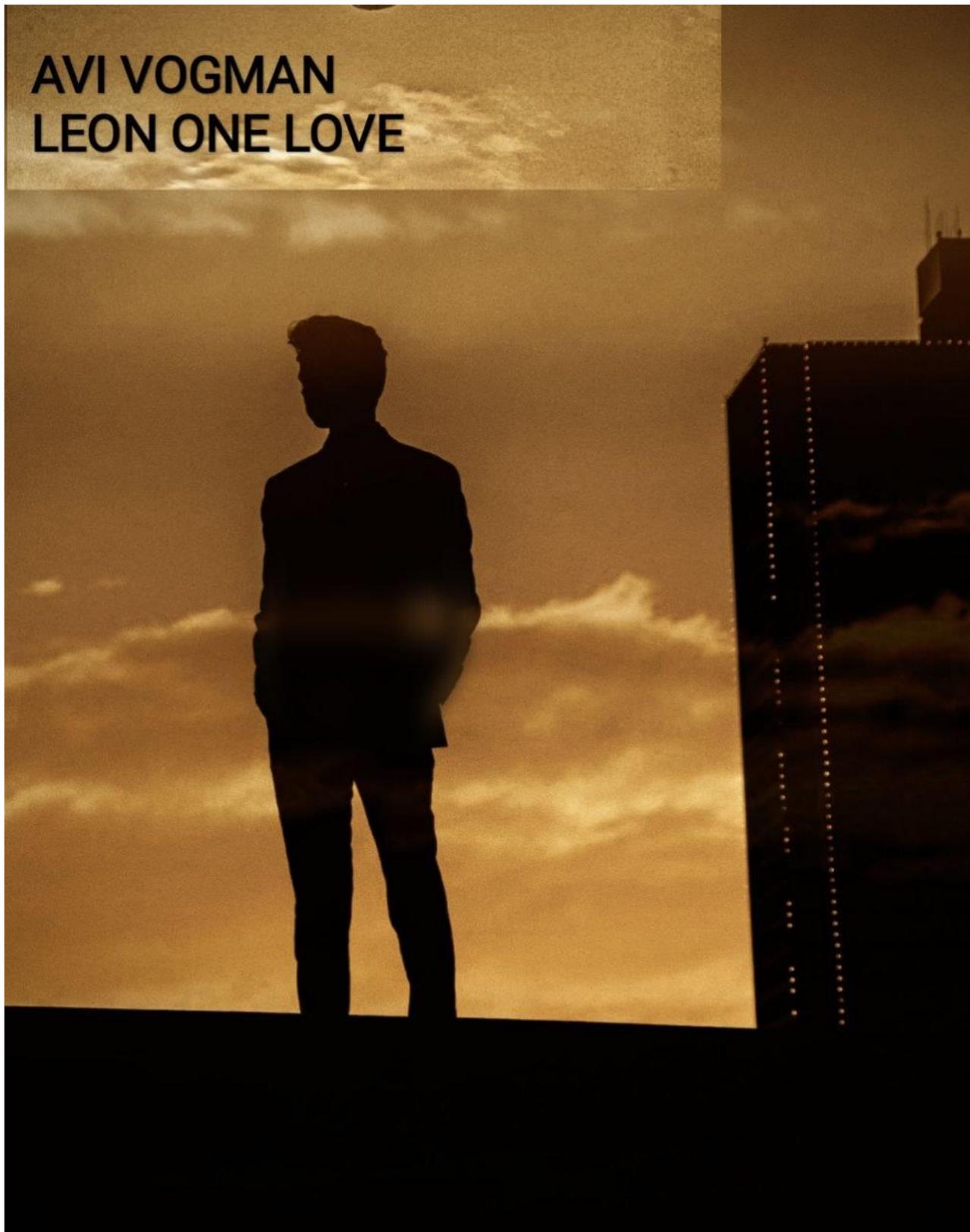

Файл подготовлен редакцией портала «Парни ПЛЮС»
www.parniplus.com

AVI VOGMAN
LEON ONE LOVE

Leon one love, Avi Vogman

Leon one love

Avi Vogman

Я влюбился в Алана с первого взгляда. Моего отца, точнее, человека, которого я считал отцом, посадили в тюрьму, и он оказался единственным родственником, который согласился позаботиться обо мне. На тот момент ему было двадцать пять, а мне ещё не исполнилось четырнадцати. На его иждивении уже находились два родных брата, которых он воспитывал после смерти родителей, но он посчитал приемлемым взять к себе и меня.

Мой отец, его старший брат, не контактировал с семьёй до момента суда, когда надо было решать вопрос со мной. Ему дали пять лет за драку с нанесением тяжких побоев. Этим и должно было всё закончиться. После того как пропала без вести моя мать (на тот момент мне было два года, и я совсем не помню её), он воспитывал меня, как мог, насколько хватало его ресурсов. Иногда мы неплохо проводили время — кино, аттракционы, поездки за город, — но иногда, особенно когда он бывал нетрезв, я не знал, чего от него ожидать, и убегал из дома. Прекрасно помню свои ощущения: чувства страха и ненависти переполняли меня, и я готов был его убить. Не так давно он, напившись, во время очередных наших разборок, когда мне не удалось сбежать, сказал, что он мне не отец, и моя мать была на сносях, когда они поженились, и он просто пожалел её, ведь мой био-папаша, которого он прекрасно знал, бросил её одну на произвол судьбы, что он оказался полным мудаком, и во мне, видимо, преобладают его гены, а не гены моей прекрасной матери, святой женщины, которая была просто ангелом во плоти... Наутро он уже не помнил, что вывалил на меня всё это, а я решил выяснить подробности позже, но так и не успел.

Когда его забрали, я переживал: что теперь будет со мной? Детский дом? Вряд ли там лучше. И тут появился Алан. Он забрал меня из приюта, где я временно находился, и сказал, что я поеду с ним. Больше суток мы провели в поезде, где меня охватывала паника от каждого его приближения,

я практически не разговаривал с ним, боясь выдать себя голосом. А он всё списывал на шок и не доставал меня. Я же мог только украдкой смотреть на него, когда он этого не видит, лёжа на верхней полке, вдыхать его запах, когда он переодевался, стоя ко мне спиной, а я усиленно делал вид, что сплю. Это было как наваждение. К своему возрасту я уже понимал, что меня привлекают мужчины, но такое сильное влечение испытывал впервые. Закрыв глаза, я воображал, как он ласкает меня и почти физически ощущал это.

В город мы приехали рано утром, и, пока шли вдоль дороги, окутанной туманом, я разглядывал его сзади, мысленно раздевая, даже не подумав, что, оглянувшись он случайно, тут же увидел бы горящий жадный взгляд...

Они с братьями жили в небольшом доме. Давиду, старшему, недавно исполнилось семнадцать, Макс — шестнадцать. Все из породы темноволосых кареглазых брюнетов, каким был и мой отец. Алан выделялся среди них большей утончённостью. И в то же время от него исходили такие сила и энергия, от которых у меня кружилась голова. Мне выделили отдельную комнату, в которой было всё, что нужно. Так началась моя новая жизнь.

Братья Алана поначалу не слишком обращали на меня внимание, можно даже сказать, я был им неинтересен. Алан дал мне время привыкнуть к новой обстановке и объяснил, что я теперь тоже часть семьи и придётся привыкать к новому укладу. Домашние обязанности у каждого свои, поделены поровну и даются по силам. Также желательно заниматься спортом и стараться хорошо учиться. Я слушал Алана, думая только о том, что он — самый прекрасный мужчина из всех существующих и я приложу все усилия, чтобы соответствовать его ожиданиям.

Я и правда очень старался. Неприученный ни к чему, я, можно сказать, учился бытовым премудростям почти с нуля. Отец никогда не обращал внимания на быт и не заставлял меня что-либо делать, максимум помыть посуду, это происходило, когда очередная женщина, не выдержав его задвигов, соскакивала. Но на её месте быстро появлялась другая, и мы снова

могли расслабиться. Я никогда не убирался, не знал, как правильно мыть пол или вытирать пыль, не говоря уж о приготовлении еды. Последнее, разумеется, мне доверить не могли, и я был только на подхвате. Поначалу я немало косячил, но примерно через год мне удалось влиться в их «клан», стимулом для чего был, конечно, Алан и его похвала, а порой всего лишь тёплый взгляд, которого было достаточно, чтобы за спиной отрастали крылья. Он совершенно не разочаровал меня за этот год, наоборот, видя, как он себя ведёт, разговаривает, что делает, я восхищался им всё больше.

Алан много работал и периодически ездил в командировки. Мы оставались дома одни, Давид становился за старшего и командовал нами, как хотел. Похоже, это доставляло ему удовольствие. Я же всеми способами старался избежать контакта с ним, быстро делая всё, что нужно, убегал на улицу до самого вечера. Дома надо было быть не позже десяти. Друзьями в новой школе я не обзавёлся, шарахаясь от всех, кто пытался наладить со мной контакт. Привыкнув к жизни в большом городе и друзьям, которые остались там, я чувствовал скуку в провинции, особенно когда не было Алана, но в такие дни старался много гулять и открывал для себя новые интересные места даже здесь.

В этот раз я забрёл довольно далеко. Вечер был тёплым, я сидел на берегу реки, погрузив ноги в воду, и наслаждался прохладой и течением воды, когда недалеко от меня также присели двое парней. Они выглядели необычно для местных. Моё сердце сильно забилось, я тарасился на них в каком-то полузабытье, пока один из них не спросил:

— Ну и как водичка?

— Прохладная, — ответил я, смущаясь и понимая, что меня спалили.

Мой собеседник только улыбнулся и, придвинувшись чуть ближе ко мне, стал задавать какие-то ничего не значащие вопросы. Его друг тоже присоединился к беседе. Мы общались какое-то время, затем пошли прогуляться, так же непринуждённо болтая о том о сём, зашли по пути в кафе, где они предложили мне выпить лимонад. Не чувствуя подвоха, я

сделал несколько глотков... Голова сильно закружилась, в руках и ногах появилась слабость.

Мы ехали куда-то в машине, потом шли, точнее, они вели меня. Потом я помню всё моментами. Меня раздели и делали всё, что возможно сделать с мальчиком двум взрослым мужчинам. Я не мог сопротивляться и плохо соображал. Они трахали меня во всевозможных позах, мне показалось, очень долго. Потом был провал. Я пришёл в себя уже в отделении полиции. Вскоре за мной приехал Алан. Он как раз вернулся из своей командировки, когда его ждал сюрприз в виде моего отсутствия, как выяснилось, целых два дня. Он не разговаривал со мной всю дорогу до дома, а как только мы приехали, схватил за рукав и, толкнув в комнату, закрыл дверь. На его лице была смесь досады и негодования, почему я повёл себя таким образом... Я испугался, но не того, что он может как-то наказать меня, а того, что сильно разочаровал его. Он вынул из брюк ремень с явным намерением применить его, но я кинулся к его ногам:

— Алан, прости меня, пожалуйста! Я не знал, что это! Честное слово, я думал, это просто лимонад! Пожалуйста, пожалуйста, прости!

Он опешил, стоя надо мной с ремнём в руках, затем опустился на корточки и сжал мои плечи.

— Ну что ты так плачешь, Леон? Я же даже не тронул тебя...

Он отвёл меня, рыдающего в три ручья, на кровать и, подождя, пока я немного успокоюсь, принялся спрашивать, что произошло. Я рассказал всё, как есть, точнее, всё, что я мог ему рассказать, ссылаясь на то, что я ничего не помню и очнулся только в полиции.

— То есть ты пошёл с двумя незнакомыми взрослыми людьми?!

Алан смотрел на меня с неподдельным ужасом. Кажется, он понял, что происходило со мной «в беспамятстве»... От осознания этого мне стало очень плохо, я снова зарыдал, не представляя себе, как теперь смогу реабилитироваться в его глазах.

— Ты что не знаешь, что так нельзя делать? Не думал, что тебе нужно

объяснять такие вещи... — начал было он.

Мои слёзы остановили его от дальнейших нотаций. Он слегка приобнял меня за плечи, видимо, чтобы немного утешить, а я, воспользовавшись этим, упал на его грудь, и ему ничего не оставалось, как обнять меня уже крепче и прижать к себе...

Мир перевернулся в этот момент. Я ощущал его запах, так сильно, что показалось, сейчас сойду с ума. Я хотел целовать его, везде, и чтобы он целовал меня в ответ. «Только не отпускай меня, только не отпускай», — умолял я про себя, замерев в его объятиях.

— Ну ладно, всё, — нежно проговорил он, трогая мои волосы, отчего я совсем улетел, — успокойся, ты ни в чём не виноват. Только делай, пожалуйста, выводы. Ты совсем ничего не помнишь? Надо будет сходить к врачу...

Я усиленно замотал головой, обхватывая его руками, как будто в нём одном была защита от всех бед.

— И всё же... — его голос звучал настойчиво, — нужно это сделать.

Мы ещё какое-то время сидели так, потом он осторожно выбрался из моих объятий.

— Иди умойся, тебе надо поесть. И... если вдруг возникнут проблемы... пожалуйста, говори, я тебе помогу во всём.

Я послушно встал и, не глядя на него, быстро прошёл в ванную. Меня спасли джинсы, в которых мой вставший член был не так заметен. В ванной я оторвался как мог. Нужно было срочно сбросить напряжение. Пока я дрожил, вспомнил некоторые подробности своего «приключения». Как я кончил прямо в рот одного из тех парней, в то время мы как другой трахал меня... И не только это. Несмотря на то, что я совсем не хотел терять девственность таким насильственным способом, при этих воспоминаниях меня одолевала лишь досада, что это не произошло с любимым человеком, как я мечтал, но никакого отвращения я не испытывал. Меня даже как будто ещё сильнее возбудили эти картинки моего секса с двумя, по сути, извращенцами...

С этого дня Алан стал более внимательным, при каждой возможности брал меня с собой, как будто хотел поддержать таким образом. А однажды я услышал их с Давидом спор. Я вышел ночью в туалет, когда они довольно громко общались на кухне.

— И что? — говорил Алан, — ты и правда считаешь, что за это можно ненавидеть человека?

— Да они все извращенцы, — резко отвечал Давид, — таким людям не место в нормальном обществе!

— Они такими рождаются, брат. Это не их вина, пойми.

— Рождаются?! Ну окей. Зачем они на каждом шагу орут о своих извращениях, можешь мне объяснить?!

— Да что ты так бурно реагируешь? Они просто хотят равных прав, только и всего. Но я согласен, наше общество пока не готово принять это.

— Ещё не хватало, принимать таких! Вообще мне странно, брат, что ты их защищаешь. Я не понимаю.

— А я не понимаю, почему эта тема тебя так заводит? Тебя что, домогался кто-то?

— Да уж, конечно, попробовали бы.... Уебу с ноги пидоров.

Мне показалось, что Давид собирается выйти, поэтому я поспешно ретировался обратно в комнату, так и не узнав, чем закончился их спор. Но теперь я знал отношение Алана к этому вопросу, и это придало мне надежды, что когда-нибудь я признаюсь ему в своих чувствах.

Осенью Давида забрали в армию, и стало гораздо легче. Мы с Максом прекрасно поладили без него, почти не ссорились, а даже если такое происходило, находили компромиссы. Разумеется, я прикладывал к этому максимум стараний. Я впервые видел, наконец, расслабленного Алана и понял, что дело во многом было в Давиде. Алан почти не строил нас, мы были просто командой, идущей в одном направлении. С Давидом, бесконечно отстаивающим своё лидерство, у Макса шла неравная борьба; со мной же

можно было просто договориться. За этот год я очень повзрослел; произошёл резкий скачок роста, я уже не выглядел как ребёнок, а ощущал себя тем более взрослым. Занятия спортом, к которым никогда не приобщал меня отец, тоже пошли на пользу: моё тело обрело красивый рельеф, я нравился себе и видел взгляды девчонок, которые очень хотели дружить со мной, но я был всё также закрыт для всех. Парни из школы пытались задирать меня, но я умело затыкал их словами, ни разу не доведя дело до тупых разборок на школьном пустыре. И, само собой, я мечтал об Алане. Иногда мне казалось, что он по-особенному смотрит на меня. И его высказывание... возможно, оно было не просто так.

Он уезжал в очередную, на этот раз довольно длительную командировку, и я решил, что настал момент признаться ему во всём. Я напросился проводить его. Он был удивлён, но позволил мне поехать с ним на вокзал. Слова, которые я тщательно готовил несколько дней подряд, застряли в горле. Я несколько раз пытался сказать их ему, но каждый раз обрывался на полуслове:

— Алан...

— Да?

— Я хотел сказать... Точнее, спросить... а как ты отнесёшься к тому, что... если я пойду в колледж после школы?

— Решай, дело твоё.

Я кусал губы, ненавидел себя за слабость, делал попытки снова, и снова переводил разговор. Когда он сел в поезд, сказал мне:

— Леон, отдохни как следует. Ты явно не выспался.

Ещё бы! Я не спал всю ночь, готовясь к своей речи. Которую так и не произнёс!

— Алан... — я дал себе последний шанс. Думаю, я смотрел на него очень красноречиво.

— Что? — улыбаясь, спросил он.

Я молчал. До отправления поезда оставалось меньше пяти минут. Он протянул мне руку, а я вдруг в каком-то безумном порыве прижал её к своим губам.

Я захотел провалиться сквозь землю. Щёки запылали. Я чувствовал, что поставил его в очень неудобное положение, поэтому решил, что единственным верным решением будет сбежать, что и сделал, ненавидя себя и проклиная последними словами. Мне хотелось свести счёты с жизнью, чтобы никогда больше не видеть его. Я даже поднялся на крышу высотки, но так и не решился переступить бордюр. Я не знал, что мне делать и куда податься, и не находил себе места. Решил, что, когда останусь дома один, вскроюсь в ванной, и даже искал информацию, как это правильно сделать. А на следующий день Алан позвонил.

— Как ты? — спросил он и, словно почувствовав мой кошмар, добавил — смотри, не наделяй глупостей. Я приеду, и мы поговорим. Хорошо? Не переживай, пожалуйста. Слышишь?

— Да, — выдавил я.

— Если хочешь, можешь меня встретить. Я напишу номер поезда...

Этот звонок придал мне сил. В назначенное время я прибежал на вокзал и, стоя на перроне, с замиранием сердца смотрел на приближающийся поезд. Алан выглядел немного усталым, как будто плохо спал несколько дней подряд. Я взял из его рук чемодан и пошёл рядом. Мы даже не обнялись, хотя, конечно, это было то, о чём я мечтал больше всего...

— Леон... — Алан тронул меня за локоть, — давай присядем.

Мы сели на террасу уличного кафе, и он заказал кофе с пирожными. Потом посмотрел на меня очень внимательно, как будто принимал для себя какое-то решение, и со вздохом сказал:

— К сожалению, я не могу ответить тебе взаимностью... Даже если бы хотел, — добавил он через паузу.

И если после первой фразы в моём горле встал ком, то после второй я

уже ничего не понимал. Я уставился на него огромными глазами и еле слышно прошептал:

— Но почему?! Если ты хочешь?!

— Это невозможно в принципе. Во-первых, ты — сын моего брата...

— Я уже не ребёнок, у меня возраст согласия... — перебил я его, — И отец мне не родной по крови, мама была беременна, когда они встретились, — горячо убеждал я, рассказав нашу «семейную тайну». — Видишь, я же совсем на него не похож...

Алан, качая головой и держа свою голову за подбородок, смотрел на меня.

— Я всё время о тебе думаю, и день, и ночь, — продолжал я, пока он не опомнился, — но ... я клянусь, ты ни о чём не пожалеешь... даже если ничего не получится, даже если тебе не понравится... я не буду тебя доставать, обещаю... пожалуйста, дай мне один шанс...

— Леон, всё, не продолжай... — остановил он меня, — давай пока оставим эту тему. Я почти уверен, что это всё у тебя пройдёт, и тебе только кажется, что ты в меня влюблён. Так бывает иногда. Это вопрос времени.

Да, это оказалось вопросом времени, но не так, как думал Алан. Он поддался мне примерно месяц спустя. Макс уехал с ночёвкой за город, и я, не в силах больше ждать, сделал первый шаг.

Неумело, как мог. Когда он вернулся с работы, его ждал «ужин при свечах»: я прямо на столе, в изрезанных в дыры майке и шортах, которые казались мне супер секси. Я вёл себя как шлюха из плохого кино. Но это было только первые несколько минут. Потом он закрыл мой рот ладонью, чтобы я не нёс тот несусветный бред, который казался мне оптимальным в данной ситуации.

— Где ты научился такой пошлятине? — спросил он как будто строго, но при этом очень сексуально.

И принялся целовать. Так горячо, что я думал, кончу, если он тронет

меня за ширинку. Я стащил с него рубашку, тыкаясь губами в его кожу, понимая, что всё делаю неправильно, но изо всех сил демонстрируя, что много чего могу. Его тело было таким сладким! Я опустил перед ним на колени и стал сосать его прекрасный член. Услышав его стон и учащённое дыхание, я возбуждился от этого ещё сильнее...

Он поднял меня и, подхватив на руки, понёс на кровать, где, не торопясь, стал очень нежно ласкать. Везде. Его руки скользили по моим волосам, шее, животу, бёдрам... Губы целовали всё, куда было можно подобраться через дырки на моей одежде. Я весь дрожал от наслаждения, ловил его руками, потом мы долго целовались, пока он медленно меня раздевал. Я был на таком пределе, что еле сдерживался, поэтому кончил очень быстро. Потом это сделал Алан. Мы лежали рядом, сплетясь телами, я был счастлив как никогда и хотел, чтобы это длилось вечно.

С этого дня я не давал ему прохода: приходил ночью или под утро в его спальню, убедившись, что Макс спит крепким сном, закрывался с ним в ванной, хотя бы для того, чтобы просто поцеловать, встречал с работы и из командировок. В один из таких приездов он был совсем не похож на себя и сказал, что надо поговорить. Я знал, что через неделю вернётся Давид, и думал, может, дело в этом, но всё оказалось серьезнее.

Мы сели на скамейку в самом углу парка, и он взял меня за руку.

— Леон... — произнёс он, — прости, я обязан был сказать тебе раньше, но никак не мог. У меня свадьба через десять дней, это моя девушка, ещё с детства... мы давно планировали это сделать... после прихода Давида из армии... точнее, мы планировали ещё раньше, но погибли родители, и пришлось отложить. Но теперь уже нельзя тянуть. Она в положении, скоро будет виден живот. Я не хотел тебя обманывать и должен был держать себя в руках, но это выше моих сил. Ты... ты очень много для меня значишь...

У меня возникло ощущение, что я проваливаюсь в мерзкую липкую субстанцию. В животе всё перевернулось. Я дёрнулся от него, но он, предвидя это, с силой удержал меня за руку.

— Пусти! — зарычал я, вырываясь и убегая прочь.

Он рванул за мной, но я бежал, сломя голову, напролом через кусты, исцарапав всё лицо и руки колючими ветками, наконец, упал где-то в яму, скатившись с горы, и понял, что оторвался от него. Какое-то время я слышал его голос, он звал меня где-то в отдалении, потом стих. А я сидел в овраге, обливаясь смешанными с кровью слезами. Лицо горело, а я ещё сильнее царапал его ногтями. Хотелось, чтобы было больно до одури. Внести внутрь заразу, чтобы сгнить. Я ненавидел его. Он растоптал и уничтожил меня, предал мои чувства. Я вернулся домой с целью собрать вещи и свалить, куда глаза глядят. Мне было всё равно, что со мной произойдёт.

Алан вскоре пришёл. Он искал меня всё это время и, поняв, что я дома, сразу зашёл в мою комнату. Я выглядел жутковато: расцарапанные лицо и руки, по которым едва перестала сочиться кровь, смешанная с грязью, изодранная одежда. Я даже не подумал умыться.

— Леон, пожалуйста... — он обнял меня, целуя лицо, — не своди меня с ума. Я всё равно тебя никуда не отпущу.

От его поцелуев и объятий я, конечно, сразу одурел.

— Лучше убей меня сразу, — я схватил его за руки и медленно опустился перед ним на колени, — прошу тебя, Алан, — я смотрел на него умоляюще, а потом поцеловал пальцы его ног, — пожалуйста, убей... — я лёг на пол, головой между его ступнями, видя при этом его взгляд.

Кажется, он и вправду не прочь был убить меня. Но не только. А я осознал, что не собираюсь его никуда отпускать. Пусть он женится. Пусть. Но я ни за что не отдам его.

Я дал ему увести себя в ванную, где он умыл меня, обработал раны, а потом уложил в постель. Макс куда-то ушёл, и до его возвращения, пока в замке не повернулся ключ, мы занимались любовью. За всё это время мы не пошли дальше ласк, Алан был против, но сегодня я уговорил его трахнуть меня, так и сказав, что мне всё равно на его жену и я готов ради него и нашего общения абсолютно на любой расклад.

Свадьба была довольно скромной по местным меркам. Жена Алана совсем мне не понравилась, хоть я понимал, что это моё восприятие, и она ни в чём не виновата, но ничего не мог с этим сделать. Но, если говорить объективно, она сильно проигрывала внешне на его фоне. Мы сидели втроём рядом с Аланом, как его ближайшие родственники, и я даже не видел его лица. Мы с ним смогли пообщаться только в конце вечера. В доме было много людей, все комнаты заняты, поэтому мы с Давидом и Максом спали вместе. Алан зашёл к нам и объявил, что они уезжают на неделю вместе с её родителями к ним в посёлок, чтобы отметить их союз там и отдохнуть у моря.

— Кто-нибудь хочет со мной? — он смотрел прямо на меня.

Он наверняка знал — его братья откажутся. Макс работал, Давид планировал встретиться со своими друзьями и провести время с ними после такого перерыва.

— Леон? — спросил он.

Я молчал, выдерживая паузу. Хотел, чтобы он понервничал. Конечно, я поехал с ним. Его жена Мира вела себя очень дружелюбно со мной. Её родители и родственники тоже очень тепло меня приняли. Народу собралось немало. Ко мне приклеилась младшая сестра Миры, пристала как банный лист, и даже моё исцарапанное лицо её не остановило. Я бы предпочёл компанию какого-нибудь взрослого мужчины, чтобы хотя бы вызвать в Алане ревность, но пришлось довольствоваться общением с Ланой за неимением лучшего. Она делилась со мной дурацкими девичьими секретиками, а я делал вид, что мне это очень интересно. Она даже хотела лечь со мной спать, но её отец, конечно, этого не допустил.

— Пойдём, я тебя отведу, — сказал он мне.

Был уже поздний вечер, почти ночь. Новобрачные под шумные крики родни удалились, а я, хоть и знал, что это произойдёт, жутко бесился и ревновал. Я хотел быть на месте Миры. Я представлял, чем они занимаются...

— Ланка достала тебя совсем, — тесть Алана завёл меня в самую

дальнюю комнату.

Мне показалось, что он очень внимательно меня рассматривает, так, что стало не по себе.

— Красивый ты парень, — оставляя меня в комнате, подытожил Азат.

Я впервые слышал комплимент от незнакомого мужчины и ещё больше смутился. А ночью мне снилась групповуха. Азат и ещё несколько человек из гостей натягивали меня по полной. Как те два парня. Вообще, эта навязчивая идея никуда от меня не делась, видимо, первый секс наложил оттенок на дальнейшую сексуальность. Сон был такой явный, что наутро мне неловко было видеть Азата, как будто мы и вправду трахались этой ночью.

Лана продолжила меня окучивать. Она выдала мне широкополую шляпу типа сомбреро, чтобы не подставлять солнцу исцарапанное лицо, и мы двинулись на пляж. Туда же прибежали её подружки, явно поглазеть на меня. В общем, когда, только к ужину, Алан появился, я уже очень злился на него. Нам с Ланой предстоял поход на танцы в местный ночной клуб, и она предложила «немного загримировать» следы на лице.

Я ушёл с ней, кинув Алану очень говорящий взгляд напоследок. Лана сделала из меня «звезду вечеринок». Началось всё с тона, но в итоге мои царапины превратились в очень живописный рисунок. Причёска-ирокез дополнила вид. Я спиной чувствовал его взгляд, когда мы выходили.

В самый разгар нашей тусовки туда пришли и Алан с Мирой, которая выглядела несколько утомлённой. «Скоро ты будешь жирной и страшной», — со злорадством думал я, крутясь на танцполе в окружении самых красивых девчонок в клубе и кожей продолжая ощущать взгляд Алана... Разумеется, он не дал мне уйти в отрыв, к чему я очень стремился, чудом умудрившись незаметно для него опрокинуть несколько коктейлей. Когда мне было уже очень весело, Лана сказала, что мой грим потёк, и я пошёл в туалет, чтобы его смыть. Пока этим занимался, услышал голоса за спиной:

— О, петушок!

— Кукареку!

— Кто ж тебя так разукрасил, педрило? Любовничек постарался?

Я посмотрел в зеркало и увидел трёх парней. Они окружили меня кольцом и явно чего-то хотели. Вступить с ними в беседу не было никакого желания. Я натянуто улыбнулся, пытаюсь просочиться через них, но не тут-то было.

— Ути какой... — один из них хотел схватить меня за футболку, но был отброшен вошедшим в туалет Аланом в сторону.

— А вот и любовничек, — другой резко замахнулся на Алана, но я успел первым.

Я никогда не дрался до этого момента и очень удивился, что оказывается, неплохо умею это делать. Пока они соображали, что произошло, нам удалось выбраться оттуда целыми.

— Всё, уходим, — хватая меня под локоть, сказал Алан.

Мира и Лана уже были рядом. Парни из туалета рванули за нами, но охранник, к счастью, остановил их, и мы спокойно вышли на улицу. Лана была очень недовольна, что мы так быстро уходим.

— Что у вас произошло? — спросила она Алана.

Тот махнул рукой, и мы пошли к дому. А ночью Алан пришёл ко мне. Он был сильно возбуждён, горячо меня обнимал и целовал, так, что выпитые коктейли зашумели в моей голове с новой силой. Как же мне не хотелось сдерживать себя сейчас, хотелось орать и стонать во весь голос. Чтобы нас застукали и выгнали с позором и чтобы мы были вдвоём во всём мире — только он и я. Я поведал ему свои мысли, когда мы уже лежали, оба измождённые, со вкусом спермы во рту, и казалось, вся комната пропиталась этим запахом.

— Ты напугал меня сегодня, — прошептал он мне, как будто не слыша мои слова, — своим поведением и не только. Я еле дождался, когда все уснут, чтобы прийти к тебе. Не делай так больше, не пей столько. Ты понял?

Последняя фраза прозвучала чрезмерно строго.

— Да, папочка, — прошептал я ему в ухо, — а ты меня понял? Хочу стонать и орать во всё горло... и чтобы на мне были джоки... и чулки, если ты захочешь...

— О боже, Леон, — но он, однако, засмеялся, — я всё ещё не могу забыть твой наряд в дырках... когда приедем, что-нибудь придумаем. Обещаю.

По возвращении нас первое время засосал быт. Всё время надо было решать какие-то домашние дела: ремонт в комнате, например, и другие насущные вопросы. Я помогал ему во всём, был на подхвате, конечно, в надежде, что мне перепадёт кусочек ласки, на которую он не скупился в каждый момент времени, когда мы оставались наедине. Но я требовал большего. Мне не хватало его. Мира в основном сидела дома, и у нас было очень мало возможностей для полноценного секса и даже просто общения.

Её беременность протекала сложно. Токсикоз, гормоны — ей тоже хотелось больше внимания от мужа, который к тому же ещё много работал, чтобы прокормить нас всех. Я не раз слышал, как она жалуется ему, что всё время одна, даже несмотря на его присутствие, и внутренне ликовал, а потом устроил налёт со своей стороны:

— Ты обещал, — напомнил я, — а сам даже не пришёл вчера.

— Я вырубился от усталости.

— Между прочим, я тоже помогал тебе и надеялся на секс хотя бы ночью. У меня уже спермотоксикоз.

— Я сам очень хочу тебя, сегодня точно приду. Потерпи, не сливай.

— На пять минут?

— Леон!

— Хорошо, на полчаса... думаешь, этого достаточно?

— Ты говорил, согласен на все условия.

— Говорил. А сейчас уже не уверен. Мне это не нравится. Мне не хватает тебя. Придётся искать кого-то ещё.

— Давай, вперёд.

В этот раз Алан не стал, как обычно, уговаривать меня, и я понял, что перегнул палку. Но признаваться в этом было, конечно, нельзя. Мы как будто «поссорились», и я правда делал вид, что сижу на сайте знакомств. Точнее, я даже зашёл туда, но не увидел ничего интересного. Здесь все боялись знакомиться в открытую, конечно, никаких лиц и лишней информации. За ужином я специально сделал так, чтобы он увидел экран мобильного. На его лице мелькнула злость, но он быстро с ней справился. Я ждал его полночи, но он так и не пришёл, видимо, решил меня наказать. Утром я потребовал объяснений. Давид и Макс уже ушли, а Мира закрылась в ванной с приступом очередного токсикоза. Алан очень переживал из-за этого, ведь срок был уже довольно большой, но недостаточный для благополучного разрешения.

— Может вызвать врача? — крикнул он ей через дверь.

— Нет, я полежу в воде, и всё пройдёт, — Мира на секунду приоткрыла дверь, и я увидел её огромную грудь и живот в красных растяжках.

— Прости, — поспешно отворачиваясь, сказал я.

— Ничего страшного, — послышалось уже из-за двери.

— А вот и страшно, — сказал я, чтобы слышал только Алан.

Он взбесился. Схватил меня за плечи и как следует потрянул.

— Ударь, — я повернул голову в сторону, и он даже замахнулся, но оттолкнул меня. Я тут же наскочил на него сзади и обнял, прижимаясь губами к шее.

— Щетина... Ммм... обожаю...

В следующую секунду он уже целовал меня в засос, прижав к стене и жадно хватая руками. Мы справились за несколько минут. В ванной даже не прекратился шум воды.

— С тобой всё в порядке? — спросил Алан в дверь и, услышав ответ, вернулся ко мне. А я поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы было всё

плохо. Чтобы и она, и ребёнок умерли. Мне стало даже жутко от этих мыслей. Алан целовал меня, лежащего прямо на полу, где мы только что занимались сексом, и мне не хотелось, чтобы это заканчивалось.

— Почему ты не спрашиваешь, познакомился ли я с кем-нибудь? — спросил я, запустив руку в его волосы.

— И?

Он оторвался от поцелуев. Я помотал головой

— Нет. И не собираюсь. Я ни с кем не хочу быть, кроме тебя. Ни с кем. И ты это знаешь.

— Мой мальчик... — Алан положил голову мне на грудь, пока я продолжал перебирать пальцами в его волосах.

— Тебе пора в школу, — сказал он.

— Плевать мне на школу. Пропущу ещё один урок, пока она там

— Мира, — мягко поправил Алан, — её зовут Мира.

— Ты так и не ответил, почему ты не пришёл ночью.

— Я на тебя злился.

— Мне нравится, когда ты злишься, это заводит.

Алан рассмеялся.

— Прекрасно. Но тебе не обязательно злить меня специально. Я и так могу быть таким, как ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы были вдвоём. Только ты и я. А каким ты будешь — это неважно. Хоть каким.

— Ты же знаешь, это невозможно. Давай не строить напрасных иллюзий. И, в связи с этим, я не могу ничего от тебя требовать. Если ты полюбишь кого-то другого, я ничего с этим не сделаю.

Несмотря на все эти перипетии, я стал ощущать себя совершенно по-другому, не так, как до нашего с Аланом сближения. Если раньше я

в основном помалкивал, то сейчас высказывал всё, что думаю, в разговорах с Максом и Давидом, который меня не слишком жаловал и смотрел свысока. Мы спорили на разные темы, иногда я даже специально заводил их, чтобы пощекотать себе нервы. Давид всегда реагировал горячо, а я испытывал какой-то непонятный драйв от этого, не жалея Алана и не думая о его чувствах. Один раз мы с Давидом чуть не подрались. Точнее, он чуть не врезал мне во время нашей очередной «дискуссии», и только окрик Алана остановил его.

Разозлившись на брата, Давид заявил, что не хочет больше здесь жить и практически потребовал отдельное жильё. По негласным законам Алан, как старший брат, обязан был обеспечить братьев всем, чем нужно, ведь мой отец отказался от семьи. Об этом Давид тоже не забыл напомнить, кивнув на меня. Я ответил, что это тупые, никому не нужные правила и что Алан ничего ему не должен, так же, как и мой отец, и, если кто-то что-то на себя берёт, — это исключительно добрая воля.

— Слышь ты, умник, — очень зло ответил Давид, — что ты можешь знать о законах настоящих мужчин, ты, который прожил всю жизнь в столичном разврате. Твой отец как паршивая овца в стаде, предал нас, тем не менее, тебя приютили и дали кров, а теперь ты выделяешься здесь и позволяешь себе вякать. А если мы с тобой сейчас выйдем один на один — я раздавлю тебя как мышью, места живого не останется.

— Давид, прекрати это, пожалуйста... — попросил Алан.

— Этот тупой малолетка для тебя дороже родного брата?! — завопил Давид, — я больше не намерен здесь оставаться. Не хочешь помочь, не надо, я сам справлюсь. Только пусть не попадается мне на глаза, я за себя не отвечаю.

Он убежал, Алан пошёл за ним, чтобы успокоить. Макс смотрел на меня с досадой, видимо, с его точки зрения именно я внёс раздор в их семью. Мира тяжело вздохнула.

— Что? — спросил я, переводя взгляд с одной на другого, — ну

скажите, что я не прав.

— Ты не прав, — сказал Макс.

— Не прав, — подтвердила Мира, — но ты не виноват в этом, тебя так воспитали. Вложили в тебя ложные понятия.

Я стал с ними спорить о том, что ещё неизвестно, чьи понятия ложные, но они не отвечали мне. Вскоре вернулись Алан и Давид.

— Пойдём со мной, — сказал мне Алан, очень сухо, как отрезал.

— Милый, полегче, — испугалась Мира, посчитав, что мне сейчас очень не поздоровится, — он всё же вырос не здесь.

— Я разберусь, — жёстко проговорил Алан, отчего меня накрыла волна возбуждения.

Я пошёл за ним, ощущая дрожь в ногах, и как только мы оказались за закрытой дверью в самой дальней комнате, куда он меня завёл, упал перед ним на колени. Я был очень сильно возбуждён, но ждал от него чего угодно и был готов на всё.

— Алан... — страстно проговорил я.

Он закрыл дверь на замок и вытащил из брюк ремень.

— Раздевайся.

Я полностью разделся, не вставая с колен и повернувшись к нему спиной, опустился на четвереньки. Он бил меня не слишком долго, но очень ощутимо. Я молчал, не издавая ни звука, закусив губы, чтобы не заорать от боли. Закончив, он сел рядом со мной на корточки, и я тут же бросился целовать его. Мы оба были в слезах. Он как будто вообще не понимал, что только что сделал и зачем. А мне было всё равно. Я снова начал возбуждаться, член уже стоял колом, он везде меня целовал и нежно гладил места, которые только что нещадно бил.

— Прости... прости... — повторял он, — я не знаю, зачем я это сделал... опять повёлся на Давида.

Я принялся успокаивать его, убеждая, что он ни в чём не виноват, что он поступил так, как был должен, чтобы не упасть в глазах собственных братьев, и что теперь надо успокоиться, чтобы выйти к ним. Теперь настала моя очередь целовать его везде. Дойдя до члена, я отсосал ему так, как не сосал никогда. Это был суперглубокий отсос. Я задыхался, по лицу текли слёзы, сквозь которые я всё же видел его лицо, когда он кончал мне прямо в горло, и сам руками довёл себя до оргазма за несколько движений, потом обнял его, уткнувшись лицом в пах, дрожа и испытывая какой-то новый кайф от боли и наслаждения. Алан накиннул на меня одеяло, чтобы я перестал трястись и обняв, прижал к себе, шепча на ухо:

— Мальчик мой, ты самый лучший, самый сексуальный... я тебя очень сильно люблю. Я не имел право тобой так воспользоваться, твоим чистым чувством, твоим телом. Мне очень не по себе из-за этого, я не заслуживаю никакого снисхождения, ни перед кем. Я ненавижу себя за эту слабость... я как будто выместил на тебе всё, что накопилось за это время.

— Ты что, любимый, что ты такое говоришь?! Ты самое лучшее, что случилось в моей жизни, всегда есть и будешь. Я не сержусь на тебя, если надо, я готов каждый день терпеть такие вещи, если они приносят тебе хоть немного облегчения.

— Нет, не приносят. От этого только хуже.

— Я больше никогда не буду спорить с твоими братьями, никогда, клянусь. Я извинюсь перед Давидом. Я буду делать всё, что ты мне скажешь. Я не подумал, какие неприятности доставляю тебе своим поведением и желанием кому-то что-то доказать. Этого больше не повторится.

Он поцеловал мне лицо и вытер слёзы.

— Я пойду туда. Ты тоже давай подходи. Мы должны жить в мире, пожалуйста.

— Хорошо, — я с надеждой смотрел на него, — а когда мы увидимся?

— Скоро. Я хочу убедиться, что Миру можно оставить, и на зимних каникулах мы с тобой куда-нибудь смотаемся.

Алан подмигнул мне. Он уже улыбался, и я улыбнулся ему в ответ.

Мир был восстановлен. Я, как и обещал, извинился перед Давидом, который остался весьма доволен моим «унижением», и перестал лезть в их разговоры вообще, хотя это давалось мне с трудом, особенно иногда, но теперь я просто уходил, чтобы не ввязываться во всё это, но в то же время выражая таким образом своё мнение. На зимних каникулах мы с Аланом провели два прекрасных дня в горах на горнолыжном курорте: только он и я. Это только раздражило мои чувства. Когда мы вернулись, единственное, что мне хотелось, чтобы мы спали вместе, как там, я никак не мог уснуть и ночью пробрался к ним в спальню. Алан был от этого в полном шоке, его прошиб холодный пот, пока он выводил меня оттуда и заводил в ванную, где, включив воду, позволил себе оторваться.

— Ты с ума сошёл? — зашипел он на меня, — а если бы Мира проснулась?! Что бы она подумала? Ты знаешь, какой чуткий у неё сон? Она от каждого шороха вскакивает!

— А я вообще не могу уснуть! Не могу теперь спать без тебя!

— Но ты делал это раньше, — Алан трогал моё лицо, водил пальцем по губам, потом принялся целовать, как всегда нежно и страстно. Я запрыгнул на него, свернув тумбочку со стоящими на ней банками, но мы уже не обращали на это внимания. Два дня, проведённых вместе, не уменьшили накал нашей страсти, а даже наоборот. В самый разгар любовной игры из-за двери вдруг послышался голос Миры:

— Алан, ты там? У меня, кажется, отошли воды...

— Сейчас, — снимая меня с себя и оставляя за занавеской, Алан, как попало натянув трусы, вылетел из ванной. Мне пришлось выбираться позже, когда они уже уехали в роддом. Срок был ещё довольно маленький, меньше восьми месяцев, но всё же этой ночью она родила. Он приехал только с утра, весь на нервах.

— Малыш лежит в кювезе. Пока под наблюдением. С Мирой всё хорошо, — сообщил он нам, — пойду отдохну немного, взял отгул на работе.

При этом он посмотрел на меня так, что я еле дождался, пока все уйдут, и сразу оказался у него под боком. Он спал, и я не стал будить его, мне хотелось просто полежать рядом. Но поскольку я тоже сильно не выспался, сразу погрузился в крепкий сон. Мы оба проснулись от телефонного звонка.

— Да! — сказал Алан, — да, хорошо. Скоро приеду.

— Что? — спросил я, переворачиваясь на живот и демонстрируя Алану свой зад.

— Мира звонила, просила кое-что привезти... — он провёл рукой по моим ягодицам, — мне сейчас не до этого... и, малыш, не надо так рисковать, я прошу тебя.

— Ты на меня так посмотрел, я думал это намёк...

— Какой намёк, Леон? Мой сын лежит под капельницей, думаешь, я могу думать о чём-то другом?

Я разозлился от этих слов, не понимая, что изменится от его переживаний, о чём и сказал, добавив:

— Если бы ты немного расслабился со мной, не был бы так напряжён.

— Расслабимся, немного позже. Когда я пойму, что с ними всё в порядке. Пойми, я так не могу.

Как я и подозревал, ребёнок отнимал слишком много времени. Точнее, он отнимал у меня Алана. Первое время он находился в больнице, и тот, само собой, ездил туда каждый день. Пару раз мне удалось соблазнить его, но это больше походило на акт самопожертвования с его стороны, а не вихрь чувств, как бывало у нас обычно. Потом, когда они вернулись почти через две недели, младенец плакал бесконечно. Мы все не высыпались, и я боролся с желанием накрыть его подушкой. Я ненавидел его ещё сильнее, чем Миру, и не понимал умиления над ним всех членов семьи. К тому же первое время он был довольно страшненький, только к месяцу немного округлился и стал похож на обычного новорожденного. Я же стал ощущать себя ненужным и одиноким. Алан как будто охладел ко мне, а мне надоело всегда проявлять

инициативу. Но когда я перестал её проявлять, мы перестали трахаться. Я не мог выдержать этого долго и встретил его вечером с работы, хотя он просил меня туда не приходить.

— Леон, я же просил.

— Надо поговорить.

— Не здесь.

— Нет, здесь.

— Хорошо, давай отойдём хотя бы. Здесь везде камеры, никуда не спрятаться.

— Мне всё равно. Я так больше не могу. Наигрался мной, теперь хочешь бросить?

— Что за бред?

— Не бред. Ты больше не любишь меня. Так как раньше.

— Это не так. Просто сейчас такой период. Ребёнок маленький, неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю. Ты даже не подходишь ко мне, не обнимаешь. Теперь в твоей жизни только он и твоя жена.

— А как может быть по-другому, Леон? Они — моя семья. Я не верил ушам.

— А я? Я для тебя кто?

— Ты тоже семья, я очень тебя люблю.

— Так они или я?

— Малыш, это разное. Потерпи, пожалуйста, немного, я постараюсь уделять тебе больше времени. Просто дело ещё в том, что Мира... ей очень нужна поддержка.

— А как же я? Мне что делать? — я стал плакать.

— Леон, пожалуйста, держи себя в руках, — попросил Алан.

— Ненавижу тебя, — процедил я сквозь зубы и побежал от него прочь.

Я намеревался как можно дольше не возвращаться домой. На улице было довольно холодно, я замёрз, поэтому зашёл в ближайшее кафе и, открыв сайт знакомств, принялся писать всем подряд с одной единственной целью: как можно скорее встретиться хоть с кем-нибудь. Вскоре мне ответил один чувак. Мы начали переписываться, я выслал своё фото и тут же получил приглашение в гости.

«Я посмотрю на тебя из окна, и, если ты не фейк, то выйду встретиться», — написал он.

Когда я стоял под окнами его дома, меня начало потряхивать. Был уже поздний вечер, а Алан даже не позвонил мне за всё это время, словно ему было полностью на меня наплевать.

— Эльдар? — услышал я имя, которым представился на сайте.

Я обомлел и внутри всё упало. Это был здоровяк раза в два больше меня, с огромными ручищами. Я даже не подумал попросить его фото в ответ, как будто все по умолчанию должны быть такие, как Алан. Но выхода у меня не было, я должен был где-то переночевать, поэтому пришлось пойти с ним.

— Тебе хоть восемнадцать есть? — спросил он, пока мы поднимались в лифте.

— Да, конечно, — ответил я, изо всех сил стараясь абстрагироваться, но голос дрожал.

— Да ладно, не трясись, — сказал он, — я тебя не съем.

Дома он налил коньяк и, разбавив его кока-колой, протянул мне стакан.

— Давай, за знакомство.

Конечно, я выпил всё залпом, и он налил ещё. Потом ещё. Дрожь немного прошла.

— Ну что ты так испугался, сладкий? — он стал раздевать меня, — ммм... какой красивый... Какое тело. А жопа... просто отпад...

Он раздвинул мои ягодицы, и я почувствовал его язык в своём анусе. Это было приятно, и я закрыл глаза, представляя, что это делает Алан. Но получалось не очень. Однако, несмотря на грозный внешний вид, мой новый знакомый оказался неплохим любовником. Он долго ласкал меня, сосал мой член, ни на чём не настаивая, и только потом, надев резинку, очень аккуратно трахнул. Я был хорошо пьян на тот момент, и, можно сказать, мне даже понравилось. Но вот проснуться с утра от того, что он, навалившись всем телом, храпит прямо в ухо, оказалось совсем неприятным. Я с трудом выбрался, чтобы не разбудить его, оделся и бесшумно на цыпочках пошёл к двери. Уже полностью одевшись, я попытался открыть её, но не тут-то было. Она оказалась заперта изнутри на ключ, которого я нигде в поле зрения не наблюдал. В панике я принялся открывать все подряд ящики в стоящем у двери комоде и, конечно, разбудил его.

— Куда собрался? — он вышел из комнаты в negligé, — хотел смотаться незаметно, малыш?

— Я не хотел тебя будить... — промямлил я, отступая под его напором.

Он полез ко мне с поцелуями, снова меня раздевая.

— Ну уж нет. Давай живо в койку.

Сегодня он не был так ласков, как вчера, и серьёзно разозлился, что я решил по-тихому свалить. Я понимал, что абсолютно бессилён перед ним, поэтому мне ничего не оставалось, как подчиниться.

— Сейчас, я ещё проверю, не спиздил ли ты чего ... — он вывернул карманы моей одежды и ничего не найдя, встал надо мной, — ладно, повезло тебе. Давай, соси, сучка.

Я закрыл глаза, чтобы хотя бы не видеть его, но он хлопнул меня по щеке.

— Смотри в глаза.

Он пихал в меня член по самые яйца, сжимая руками шею, благо он был не слишком большой.

— Хорошо, — сказал он, — теперь встань раком и покажи мне свою дырку.

Я сделал, как он сказал.

— Больше прогнись, раздвинь шире... Стой так и не вздумай шевелиться.

Кажется, он сделал несколько фото, потом смачно плюнул прямо в очко и довольно резко вставил в него палец.

— Ай! — вскрикнул я, напрягаясь от боли, и он тут же отвесил мне очень ощутимый шлепок.

— Расслабь жопу.

Он ковырялся в анусе пальцами, довольно долго и неприятно, не давая мне ни лечь, ни встать. Ноги затекли, было больно, и я просил его остановиться, но он был беспощаден.

— Сейчас довыёбываешься, будешь слизывать собственное говно, пидор, — вынимая из моей жопы пальцы и снова их туда вставляя, пригрозил он, — о, вот это дыра, пожалуй, можно попробовать пойти дальше. Пиздуй в ванную и как следует промой её, — сопроводив последнюю фразу несколькими шлепками, сказал он.

Когда я вернулся, он сидел на кровати.

— Ну, живо! — он хлопнул себя по бёдрам, — ложись, жопой кверху.

— Пожалуйста, не надо, — я прислонился к стене.

В задку ощутимо жгло.

— Если мне сейчас придётся встать, будет только хуже. Хочешь?

Я помотал головой, начиная плакать от ужаса. Что я скажу Алану, если он порвёт мне всё внутри?

— Пожалуйста. Я же не сделал тебе ничего плохого.

— Ещё бы ты сделал. Достаточно того, что ты хотел съебать.

Ну смотри, сам напросился, — он встал и медленно двинулся ко мне.

Мне стало очень-очень страшно. Я заорал уже в голос, но, похоже, это завело его ещё сильнее. По пути он поднял с пола свои носки и, схватив меня за волосы, запихал их мне в рот. Я попытался сопротивляться, но он ударил меня несколько раз и потащил на кровать.

— Я тебе сейчас всю жопу изорву, пидор!

Он снова полез в меня пальцами, вначале одним, потом сразу всеми, потом, кажется, вставил всю кисть. Я рычал от боли, словно зверь, мне уже хотелось, чтобы он убил меня, и я не чувствовал всего того, что он собирался вытворять со мной дальше.

Меня спас звонок в дверь. Он отвлёкся, и мне удалось вытащить кляп изо рта. Я заорал как умалишённый, мне было уже абсолютно всё равно, что кто-то что-то узнает или он реально меня убьёт. Звонили очень настойчиво, потом стали стучать.

— Открывай, урод! — услышал я, когда сделал паузу между своими воплями.

Мужик сильно занервничал и как будто не понимал, что ему делать. Потом кинул мне мою одежду. Руки ходили ходуном, но я с этим справился. Он выставил меня на балкон.

— Уябывай отсюда, вниз через балконы, иначе я тебя скину отсюда, — он тоже весь трясся.

Делать было нечего. Я перелез через ограждение и по балконам спустился вниз, благо, это оказалось реально сделать с пятого этажа. Как только мои ноги коснулись земли, я бросился бежать, несмотря на адскую боль в жопе и на то, что последний прыжок был совершён с довольно приличной высоты. По пути мне попался торговый центр. Там, в туалете, я более-менее привёл себя в порядок и взял в руки телефон. Конечно, Алан уже искал меня, начиная с ночи, но я предусмотрительно отключил звук. Я не представлял, что мне делать, как показаться ему в таком виде, но тем не менее набрал его.

— Леон! — он был на взводе, — что с тобой?

— Всё хорошо, — каким-то чужим голосом ответил я.

Кажется, я сорвал связки.

— Ты где?

— В «Дружбе».

— Что у тебя с голосом?

— Не знаю.

— Я сейчас приеду.

Я ждал его на улице. Он сразу понял, что что-то случилось.

— Где ты был?

Своим взглядом он вывернул меня наизнанку. В носу защипало, глаза наполнились слезами. Я молчал и снова начал дрожать. Он продолжал смотреть на меня в упор.

— Здесь недалеко, — наконец, выдавил я.

Он вызвал такси, но мы поехали не домой.

— Коллега попросила кормить кошку, пока её не будет, — объяснил Алан, заводя меня в квартиру. Он насыпал корм милой беленькой кошечке, которая принялась тереться об мои ноги. Я сел на корточки, обхватив руками колени.

— Рассказывай, — жёстко сказал Алан.

Я помотал головой. Он сел рядом, взял мои руки своими.

— Куда ты опять встрял? Я что, не вижу?

Он стянул с меня шарф, хотя я сопротивлялся этому. На шее красовались следы от огромных пальцев. Алан побледнел.

— Что это?

Я молчал, по щекам потекли слёзы.

— Ладно. Не хочешь, не говори, — он вскочил и принялся ходить по квартире, — я смотрю, ты ничему не учишься! Куда тебя понесло? Ты

хочешь свести меня с ума, да? Мстишь мне? Доволен? Что у тебя ещё, показывай! Давай, не стесняйся! Я не спал всю ночь, искал тебя везде! Где, я спрашиваю, ты был?! Кто тебя лапал, а?! Кто?!

Он уже орал. Я никогда его таким не видел. Он стал снимать с меня всё, и вскоре я был полностью обнажён перед ним... Я закрыл руками лицо, не представляя, что ему сказать, пока он рассматривал меня со всех сторон, а потом раздвинул ягодицы. Я тут же сжался от боли.

— Да ты скажешь мне хоть что-то, чёрт побери?! Кто это с тобой сделал?!

— Я не знаааюю, — завыл я, — я даже не знаю, как его зовууут... какой-то мужик с сайта. Я хотел уйти, но он меня не выпускал!

Я рассказал ему всё. Он схватился руками за голову и очень долго молчал.

— Алан, что, теперь всё? Всё, да?! Ну скажи, между нами всё кончено? Скажи! — требовал я от него.

— Что ты несёшь, господи?! — он снова вскочил, — ты понимаешь, что это могло закончиться гораздо, гораздо хуже? Ну зачем ты так поступил? Ты чем, вообще, думал? Тебе надо учиться, закончить школу нормально. А ты уже скатился до одних троек. Идешь не пойми с кем неизвестно куда! А если бы он тебя убил?!

— И пусть убил бы! Пусть! Зачем мне вообще жить?! Зачем хорошо учиться?! Если ты всё равно не со мной и никогда со мной не будешь! Зачем?

— Леон, послушай меня сейчас. Пожалуйста, — он принёс салфетку и принялся вытирать слёзы с моих глаз, — тебе очень больно? Сейчас поищу мазь, — он отошёл, затем позвал меня в комнату, — иди сюда, ляг на живот. Потерпи немного, — он втёр мне между ягодицами мазь, раздвинул их и стал туда дуть, чтобы облегчить моё состояние, — так вот, послушай, — он гладил меня по спине и ягодицам, — не надо никогда ничего делать назло. Не надо. Это жесть. Ты должен думать о себе, понимаешь? В первую очередь — о себе. У тебя есть ты. Остальное не имеет значения. Это сложно понять,

но постарайся, пожалуйста. Муж, жена, партнёр, даже ребёнок — сегодня есть, а завтра нет. И что дальше? Что лично ты будешь делать сам с собой?

Я лёг на бок, чтобы видеть его. Как же я любил его сейчас! Я прямо физически ощущал это.

— Мой малыш, — он лёг рядом, обхватив меня руками и целуя в шею, — ничего, солнышко, всё пройдёт, всё будет хорошо, но больше не делай так никогда. И не убегай от меня. Хорошо?

Я кивнул, прижимаясь к нему ещё ближе:

— Прости меня, пожалуйста. Я знаю, что ты прав во всём, но я ничего не могу сделать с моим чувством к тебе. Я ненавижу твою жену и твоего сына, потому что они отнимают тебя у меня... — я больше не мог говорить, меня душили рыдания.

Алан обнимал меня всё это время, целовал и гладил волосы. Мне стало почти хорошо, и весь утренний ужас отошёл на второй план. Постепенно я успокоился, мы долго целовались, потом занимались оральным сексом.

Алан больше не сказал мне ни слова про эту ситуацию, а я даже не помышлял искать кого-то на стороне. Я полностью восстановился только через месяц. Он очень переживал и долго боялся трогать меня полноценно. Но в целом вся эта история способствовала тому, что он стал чаще проводить со мной время, находил квартиры, на которых мы зависали часами, мы ездили гулять вдвоём, он дарил мне подарки, был внимателен и нежен.

Ребёнок рос, но легче от этого не становилось. С его здоровьем было не всё благополучно, как выяснилось ближе к году — аутоиммунное заболевание. Мире приходилось частенько лежать с ним в больнице, то на обследовании, то на лечении. Алан искал врачей, выбивал средства. Препараты для поддержания нормального состояния его сына стоили баснословных денег, и, даже если бы Алан работал круглыми сутками, он не заработал бы на них. Давид уже жил самостоятельно, он собирался

жениться и снимал жильё, оплачивать которое ему помогал, конечно же, Алан, Макс немного подрабатывал, но исключительно на свои мелочи, а я учился в одиннадцатом классе и совершенно не представлял, что делать дальше.

Я тоже порывался идти работать, но Алан запрещал мне это, потому что я «и так еле тяну учёбу», и мои объяснения, что я в любом случае не стану учиться лучше, без разницы, работаю я или нет, не действовали. Алан взвалил всё на себя, и мне иногда казалось, что он испытывает от этого своеобразный кайф. Но я видел, что он на пределе. Он очень уставал от всего этого, и мне так хотелось, чтобы он больше отдыхал и расслаблялся, но это было не про него. Когда Мира с ребёнком в очередной раз оказывались в больнице, я радовался этому, ведь мы проводили больше времени вместе. А самый кайф был, когда Макс в это время зависал где-нибудь с ночёвкой. Я обожал спать с Аланом, а особенно просыпаться и после утреннего секса готовить вместе завтрак. Это были очень редкие моменты жизни, и я старался их ценить.

Школу я закончил как попало, понятия не имея, куда двигаться дальше. Мне светила служба в армии, я совершенно не хотел туда идти, поэтому не придумал ничего лучше, как поступить в медицинский колледж, который, к счастью, имелся в этом городе, к тому же, единственные нормальные оценки у меня были как раз по профильным предметам. Алан был несказанно рад моему выбору. Разумеется, учёба в нём была платной, стоила немалых денег, но он взвалил на себя и это.

Группа состояла в основном из девочек, но кроме меня имелось ещё два парня. Один, как выяснилось, хотел стать хирургом в будущем, другой — стоматологом. Я не хотел стать никем, но надеялся, что в скором времени смогу хоть немного подрабатывать. Мы сразу сдружились, как ни странно, да и вообще в целом мне нравилась атмосфера нашего учебного заведения. Если я где-то плавал, кто-нибудь обязательно приходил на помощь. Уже в конце первого курса нас отправили на серьёзную практику. Больничка, где мы её проходили, была самой крупной в городе, и из всех отделений именно

нас направили в инфекционку, куда частенько попадали лица без определенного места жительства и другие «асоциальные» элементы. Это обстоятельство позволило нам набить руку, не боясь негативной реакции, с которой часто сталкиваются практиканты. Эти люди были рады любым знакам внимания, поэтому без проблем подставляли свои вены и ягодицы для уколов.

Я с воодушевлением рассказывал Алану, как мне всё это нравится. Мы сидели с ним на кухне, когда Мира укладывала ребёнка спать, и я очень надеялся, что она уснёт вместе с ним. Я сидел напротив, и моя нога лежала у него между ног, а ступнёй я ощущал, как его член встаёт.

Последний раз мы занимались сексом неделю назад, я уже изнывал и не мог не думать о том, что он иногда трахает Миру. Точнее, я думал об этом постоянно и спрашивал его об этом тоже постоянно и, хотя он уверял, что между ними уже очень давно ничего нет, я подозревал обратное, даже несмотря на то, что она до сих пор не пришла в форму, и с моей точки зрения, Алан должен был очень постараться, чтобы трахнуть её.

— Леон, хорош, — попросил меня Алан.

— Окей, — я убрал ногу и залез под стол, — Ммм... как ты меня хочешь...

Спустив с него брюки, я начал отсос.

— Давай чуть позже... — Алан учащённо задышал, — пожалуйста, я же прошу... Леон! Аххх...

При этом он двигал бёдрами, толкая свой член глубже. Я вообще понял, что его заводят такие вещи. Что нас могут застукать. Секс в необычных местах. Когда на грани. Я тоже обожал это, но, в отличие от него, был готов на такое всегда и в любой момент, и мне было плевать. Он не мог позволить себе наплевать, но заводился не меньше...

Алан кончил за пять минут. Я вылез из-под стола и как ни в чём не бывало сел обратно на своё место, высунул язык с остатком спермы, демонстрируя ему, сделал смачный глоток и облизал губы.

— Вот видишь, а ты боялся... у тебя такой вид, как будто ты только что кончил, — типа пошутил я.

В этот момент вошла Мира.

— Спит, — сказала она, садясь рядом с Аланом, — мы пойдём в магазин?

— О нет, не сегодня. Я бы прилёг, пожалуй, тоже.

Мне показалось, что Алан ответил немного раздражённо, и я остался очень доволен этим.

— Хочешь, я с тобой схожу? — предложил я, зная, что она откажется.

— Спасибо, Леон. Это не срочно. Мы ходим в другой раз. Может, завтра?

— Я могу сходить один. Просто напиши список.

Алан встал. Почему-то, когда я просто доводил его до оргазма, он становился немного холодным. При обоюдном сексе такого не наблюдалось.

— Спокойной ночи, — сказал он нам.

Мира вздохнула. Она выглядела расстроенной.

— Хочешь, погуляю завтра с Амиром? — в редкие моменты мне становилось её жалко, и я «снисходил».

К тому же я знал, что Алан переживает из-за моего отношения к его сыну, и установлением контакта с ребёнком я сделаю ему приятно. Я и сам хотел бы относиться к Ами лучше, но в основном он вызывал у меня раздражение. Впрочем, на часовую прогулку меня вполне хватало, тем более, он уже начал соображать, лопоча что-то на непонятном языке, и сам тянулся ко мне, несмотря на моё безразличие.

— Было бы здорово, — ответила Мира, — Ами очень любит гулять с тобой.

Она встала к плите спиной ко мне, и я разглядывал недостатки её фигуры: отсутствие талии, низкий рост, полные бёдра с целлюлитом. Когда

она прекратила кормить, её грудь сильно обвисла и напоминала уши спаниеля, хотя она и прятала её в лифчик. Она не использовала косметику, волосы всегда собирала в пучок, я никогда не видел её с распущенными. Неужели у Алана вообще может встать на неё?

— Как твоя практика?

— Отлично. Полное отделение, сёстры не справляются, поэтому на мне капельницы. У меня очень хорошо получается попадать в вену, — я говорил с долей хвастовства, — девчонки немного боятся внутривенных, спихивают на меня, а я только рад...

— Леон, а тебе нравится какая-нибудь девочка? — вдруг спросила Мира.

— Нет, — мгновенно ответил я.

— Что, прямо совсем никто? — удивилась она.

— Совсем, — меня позабавила её реакция.

«Мы ебёмся с твоим мужем уже больше двух лет, тупая курица» — хотелось сказать мне, но я только ухмыльнулся.

— Но почему? — продолжала она, — у вас столько девочек учится, неужели нет симпатичных?

— Почему, есть. Их немало. Просто мне не нравится.

— Но ты наверняка кому-то нравишься?

Меня жутко бесили подобные вопросы, помню, меня постоянно пытал этим отец, и приходилось придумывать несуществующую «любовь». Но с Мирой я не собирался притворяться. Пусть догадается, что я — пидор.

— Да, я многим нравлюсь, — это являлось правдой.

— Ну ничего, ты ещё встретишь свою любовь. Обязательно.

Да я уже встретил, дура.

— Мне этого не нужно, — сказал я.

— Это пока не нужно, — уговаривала меня Мира, — рано или поздно ты женишься и у тебя будет семья.

— Я не собираюсь жениться, — я улыбался, глядя ей прямо в глаза.

— Тебя кто-то обидел? Из девчонок?

Ах, так ты у нас психолог!

— Нет, меня никто не обижал. Просто они мне не нравятся.

— Странно, — Мира пожала плечами.

— Ничего странного.

— Но тебе, вообще, хоть кто-то нравился?

— Это личное, — я смотрел на неё в упор.

— Прости.

До Миры как будто дошло, что её вопросы тупы и бестактны.

Интересно, с чего вообще она решила меня об этом спрашивать. Интуиция? Или она реально тупая?

Через пару дней мы поссорились из-за этого с Аланом. Он снял нам хату на несколько часов, где мы горячо трахались, изголодавшись друг по другу, а потом я рассказал ему о нашей беседе со своими комментариями.

Он вспыхнул.

— Зачем ты вступил в этот разговор? Мог бы отделаться парой слов. И вообще, почему ты говоришь о ней в таком ключе?

— Потому что это правда. И поэтому ты сейчас бесишься.

— Иногда ты бываешь отвратителен...

Алан встал с кровати и подошёл к окну, глядя вдаль. А я смотрел на него, думая, какая красивая у него жопа. И сказал об этом. Его лицо на мгновение озарила реальная ярость. Я даже немного испугался, потому что он вдруг стал похож на отца в его худшие моменты.

— Да что с тобой, чёрт возьми! Почему ты так её ненавидишь? Она же

ни при чём, ты что не понимаешь?!

— Хочешь, чтобы я её любил? Не дождёшься! Что думаю, то и говорю! Она тупая, а ещё некрасивая. Как на неё вообще может встать?

Алан тут же подлетел ко мне и наотмашь ударил по щеке. Потом ещё раз. В третий раз мне удалось перехватить его руку, и мы сцепились. Это была наша первая серьёзная драка. Мы катались вначале по дивану, потом по полу. Мне удавалось изворачиваться от него, но потом он применил двойной захват, и я оказался полностью обездвижен. Я изо всех сил впился в него зубами, пока не почувствовал солёный привкус во рту. Алан заорал от боли, оттолкнул меня и закрылся в ванной. Я ждал его у двери, рассматривая себя в зеркало. След от удара выглядел очень живописно. Выйдя, Алан сразу отстранил меня от попыток сближения.

— Это нереально, — сказал он, — наверное, надо сделать паузу.

— Паузу?! — воскликнул я, — да у нас и так вся жизнь из паузе! Ну прости, если я виноват. Я не буду больше с ней общаться тогда. Совсем.

Я встал перед ним на колени, обхватив ноги и умоляюще глядя снизу вверх. Один его взгляд снова заводил меня.

— Прекрати, — он поднял меня на ноги. На левом запястье красовался след от моих зубов, который нельзя было спутать ни с каким другим, — ты опять... не будешь общаться?!

— Хорошо, буду. Как ты скажешь. Не бросай меня, Алан, пожалуйста, — я заплакал, — почему ты не можешь понять меня? Я не обязан её любить, не обязан! Ты разозлился из-за какой-то ерунды! Ты готов порвать из-за неё со мной!

— Как я могу с тобой порвать? Ты о чём?! Просто мне не нравится твоё отношение к ней. Но то, что ты не обязан, это факт. Прости, что ударил.

Я понял, что он отошёл и обняв, принялся целовать.

— Алан, я тебя люблю больше жизни... прости меня за это...

Мы снова упали в кровать, где произошёл второй акт нашей любовной

драмы, и он был ещё горячее первого.

На втором курсе у нас была практика на отделении урологии. Такая себе, конечно. На этот раз нас никуда не подпускали, давая в основном грязную работу, но однажды оказалось, что некому взять кровь. Предложили мне. В кабинете, куда я зашёл, находился доктор, седовласый мужчина средних лет, и пациент. Я сделал всё необходимое и собирался отнести пробирки в лабораторию.

— Ты практикант? — спросил меня доктор.

— Да, — ответил я.

— Будь добр, как только будет результат, доставь его мне. Попроси срочно, это важно.

Вообще, это не входило в мои обязанности, но было сказано таким тоном, что я лишь послушно кивнул, не совсем понимая свои ощущения. Но когда вернулся с результатом и столкнулся с доктором глазами, сердце учащённо забилося.

— Ты хорошо попадаешь в вену? — спросил он после паузы, — мне нужен парень на приём в частной клинике, где я подрабатываю. Пока раз в неделю по воскресеньям. С хорошими медбратами сложно нынче.

— Хорошо... в основном.

— Приходи к восьми, — он протянул мне визитку с адресом.

Так я нашёл первую в жизни работу. И, как выяснилось, не только работу. В первый день мы много разговаривали. Ему нужен был ассистент, и то, что я ещё учился, его совсем не смущало.

Наоборот. Он мог бы взять себе студента вуза, но не хотел. Ему не нужны были «умники». В мои обязанности входили оформление, небольшой опрос, забор крови и помощь при манипуляциях, если такая требовалась. Герман Ильясевич являлся специалистом высшего класса и то, что я так легко и по чистой случайности попал к нему, являлось огромной

удачей. Единственный момент, который смущал меня во всём этом, — моё восприятие. Он был очень красивым, несмотря на возраст, седые волосы поражали своей густотой и лежали идеально, а пальцы его рук вообще приводили меня в трепет... почти как пальцы Алана... Его голос завораживал, взгляд ощущался всей кожей. Это было очень странно. Конечно, мне стали сниться разные интересные сны с ним, я не мог думать о нём вне сексуального контекста, но это, наоборот, очень мне нравилось. Я бежал на работу, чтобы увидеть его и пообщаться с ним, он хорошо мне платил, и, конечно, я рассказывал Алану все свои ощущения, ещё и приукрашая их. В подробностях описывал, какой идеальной формы у него борода и «очень, очень красивые руки».

Алан смотрел на меня очень хмуро.

— Это что значит? — спросил он, сложив на груди руки, — хочешь, чтобы я ревновал?

— А ты ревнуешь?

— Конечно, а как ты думаешь? Видел бы ты свой взгляд, когда говоришь о нём! Если это игра, то очень зря. Мне самому страшно от эмоций, которые ты во мне возбуждаешь.

— Мммм... я возбуждаю эмоции? — я подошёл к нему сзади и крепко сжал ягодицы.

— А то нет, — вздохнул он.

Первое наше сближение с Германом Ильясовичем произошло, когда я уже закончил колледж и работал у него на постоянку. Он ушёл из больницы в частную практику, мы отработали целый, довольно насыщенный день, и он внезапно пригласил меня на ужин. Точнее, было сказано так:

— Сейчас мы поедем в один хороший ресторан. Там в моём кабинете в шкафу висит костюм. Будь добр, переоденься.

Я даже не думал возражать ему. Костюм был идеален, сшит как специально на меня. Оставшись весьма довольным отражением в зеркале

на дверце шкафа, я вышел к нему.

— О, прекрасно! — оглядев меня со всех сторон и поглаживая себя за бородку, заключил Герман Ильясевич, — я угадал.

— Костюм просто отпад, — сказал я, — наверное, он очень дорогой?

— Не думай об этом. Это бонус за твою работу. Ты прекрасно с ней справляешься.

В ресторане он сразу сделал заказ, не спрашивая про мои предпочтения. Официант принёс нам вина и разлил по бокалам.

— Сегодня у меня день рождения, — сообщил Герман Ильясевич, — круглая дата, между прочим, в какой-то степени. Две пятёрки.

— День рождения?! — воскликнул я, — но как же так?! А... гости, праздник?

— О, нет. Я такое не люблю. Мне нравятся небольшие компании. У меня и друзей как таковых нет. Только работа.

— Тогда за вас! — мы чокнулись, — а... семья? — сделав хороший глоток, решился я задать вопрос.

— Нет, к счастью, бог миловал, — он улыбнулся.

Мы вели вполне непринуждённую беседу. Вино ударило мне в голову, и я разоткровенничался с ним. Незаметно для себя рассказал про Алана и наши непростые отношения. Выражение его лица изменилось, в глазах появился блеск хищника.

— Любовь — это прекрасно. За любовь! Ужин подходил к концу.

— Я заказал нам сауну, — объявил Герман Ильясевич, — тебе понравится.

О да, мне понравилось. Да ещё как. Пока мы раздевались, я увидел его стояк и больше не мог думать ни о чём, кроме того, что хочу ему отсосать. Он дал мне это сделать, но уже в самом конце нашей «встречи». После того как довёл меня до какого-то адского оргазма, снова и снова отсрочивая его.

Никаких ласк, только хардкор. Безумие. Я был на грани, трясся так, как будто через меня пропускали напряжение.

Он вставил свой член прямо в глотку. Сразу. Я смотрел на него, пока он кончал, держа меня за волосы, и только потом поцеловал в губы.

— Прекрасно, — подвёл он итог.

Домой я вернулся в районе трёх ночи, выжатый как лимон с одной мыслью — поспать как можно дольше. Алан не спал. Я предупреждал его, что иду на ужин «с коллегой», но на звонки не отвечал.

— Давай не сейчас, пожалуйста, — пробормотал я, собираясь пройти в свою комнату, но Алан не пустил меня. Он очень внимательно меня разглядел, затем запустил руку в волосы.

— Они влажные, — он крепко сжал руку и потянул назад, другой рукой раздевая и одновременно подталкивая к двери в комнату.

Было больно, и я совсем не хотел секса, после того, что испытал этой ночью. В комнате Алан раздел меня и осмотрел со всех сторон. Конечно, на мне были следы, ведь мой любовник был весьма страстен, а то, что он выделял со мной, не могло их не оставить. Думаю, Алан с удовольствием избил бы меня сейчас. Я видел, как ходят желваки на его скулах, а глаза буквально мутнеют. К тому же, мой член печально свисал, что развеивало последние сомнения в том, что я хорошо поебался. Он швырнул меня на кровать и, выключив свет, вышел. А я так и вырубился, даже не потрудившись накрыться одеялом.

Я проснулся от сильного шлепка и сразу подскочил, но Алан толкнул меня обратно. В его руках я увидел ремень. Ну конечно, что же ещё! Значит, мы одни дома. Я выгнулся как можно сексуальнее, в надежде, что он пожалеет меня и не будет бить слишком сильно. Но нет. Ремень был тонкий и жёг ягодицы, словно на них лили кипяток.

— Пожалуйста, Алан, мне очень больно! Алан! — извиваясь, просил я.

— Больно? Да ты же это любишь, разве нет?! — он отбросил ремень

и вставил палец в мой зад.

Я застонал, чтобы больше завести его. Конечно, стояк у него был уже на максимум. Смазав моё очко слюной, он жёстко, но быстро оттрахал меня, пока я дрожил себе, чтобы потом сразу кончить ему в рот, как он любил. Напряжение было снято, мы оба пошли в ванную, при этом Алан предупредил, что Мира скоро придёт.

Моя жопа адски горела и была в красных полосах.

— Это профилактика, — сказал Алан, — видимо, придётся периодически тебя пороть, чтобы ты ни перед кем не раздевался.

— Наивный, — ухмыльнулся я, тут же получив шлепок.

Мы услышали, как поворачивается ключ, и Алан вышел, добавив:

— Мы ещё не закрыли этот вопрос. Позже поговорим.

Я какое-то время разглядывал себя в зеркале, думая, как скоро это пройдёт и смогу ли я вообще сидеть на жопе. Но, несмотря на дискомфорт, я был удовлетворён его реакцией. Алан ревнует меня уже по-настоящему...

На работе Герман Ильясович вёл себя как обычно, как будто ничего между нами не было. Но, когда все разошлись и мы остались наедине, он сказал:

— В субботу в семь буду ждать тебя на ужин. У себя дома. Вот адрес.

Он вручил мне листок. А мой член даже слегка привстал. Я посмотрел на него очень страстно, и он заметил это. Довольная ухмылка мелькнула на его лице.

Признаюсь, я ждал субботы. Накануне ненавязчиво выяснил у Алана планы на ближайшие дни.

— Хочу отвезти Миру с Ами к родителям. Ты можешь поехать с нами.

— Нет-нет, — ответил я, — у меня дела. А когда ты обратно?

— В воскресенье. А что за дела?

— Ассистировать на операции.

Я врал ему впервые. Но так как у меня был опыт в этом деле в моём общении с отцом, он не почувствовал подвоха.

Герман Ильясович жил в элитном районе города, в частном доме, как и мы, с той разницей, что этот дом выглядел как мини-замок, но без вычурности, как у некоторых, а изящный и продуманный, при этом не очень большой. Внутри было очень просторно, стены отделаны кирпичом, камин, добротная деревянная мебель, рояль возле окна в пол, из которого открывался вид на прекрасный сад с большими деревьями и беседкой с мангалом. Возле камина стоял накрытый всевозможными яствами стол с бутылкой дорогого красного вина и двумя бокалами в центре. Я надел его костюм с белой рубашкой, что он сразу оценил. Я, конечно, не мог не восхититься интерьером и несколько секунд стоял с открытым ртом, рассматривая всё вокруг.

— Нравится? — снимая с меня пиджак и приглашая к столу, спросил он.

— Ещё бы!

— Это мой семейный дом, просто я кое-что немного подделал. Облагородил, если можно так сказать. Он, конечно, не очень большой, но много ли нужно одному. Пойдём, покажу тебе.

На первом этаже было три комнаты, все очень красивые: его кабинет с книжными стеллажами от пола до потолка, гостиная и спальня с огромной кроватью в тёмно-зелёных тонах.

— Сюда мы вернёмся чуть позже, — он провёл рукой по моей спине, задержав её на ягодицах, что сразу возбудило меня, особенно при воспоминании о нашей прошлой встрече.

Мы поднялись по кованой витиеватой лестнице на второй этаж. Там находился зал с тренажёрами и комната для отдыха с балконом. Из больших окон я разглядел сад: помимо деревьев и мангала с беседкой там стоял маленький домик. Герман Ильясович уточнил, что это парная, и я обязательно там побываю, но не сегодня.

— Сегодня наша вторая близкая встреча, — он изящно откупорил вино

и наполнил бокалы, — хочу выпить за тебя... ты знаешь, мне повезло с ассистентом.

Он улыбнулся, что делал нечасто

— Мне тоже повезло с начальником, — ответил я, чокаясь с ним.

Вино приятно обволокло нёбо, кажется, я никогда не пил такого вкусного вина, а то, что стояло на столе, представляло какие-то шедевры кулинарного искусства. Оказалось, что это всё готовил он сам.

— Небольшое хобби. Люблю готовить, особенно для некоторых гостей... ну, расскажи мне что-нибудь. Мне нравится, когда ты болтаешь.

Мы пообсуждали последние новости, во многом сходясь во взглядах, что было удивительно, всё же большая разница в возрасте часто разделяет поколения. С ним же я чувствовал себя как рыба в воде, не думая о том, что меня могут не понять. Я сказал ему об этом и о том, что редко встречал здесь людей с похожим мнением. Даже значительно более молодых.

— Это точно, — ответил он, — даже твои ровесники часто очень закомплексованные и узко мыслящие. К сожалению, так. Очень сложно найти человека, с которым ты будешь не только заниматься сексом, но ещё и вот так легко общаться. Я прожил достаточно лет, и у меня было немало парней, как правило, значительно моложе меня, но такого, как ты, встречаю впервые. Чтобы так сочетались внешность, интеллект и сексуальность. Ты очень раскрепощённый, наверное, этот твой парень тебе в этом помог. Ну и то, что вырос в столице.

— А вы никогда не хотели отсюда уехать? Вы же прекрасный специалист и могли бы найти себе работу везде, хоть за границей.

— Нет, меня всё устраивает. Я люблю этот дом, этот городок. Местную природу. Для меня очень ценно, что я здесь вырос. В этом доме жили мои родители и их родители... в этом смысле я — консерватор. А в остальном — ты знаешь, я всегда находил себе любовников. Без проблем. Может, в силу своей профессии для меня это намного проще, чем для других, но, думаю, даже без этого обстоятельства я бы справился.

— Это здорово, что вы так себя принимали. Я тоже всегда знал, что не буду никого обманывать и притворяться. Мне кажется, Алан зря женился. Мы с ним могли бы уехать... хотя, ему пришлось это сделать из-за беременности его будущей жены, а она произошла до того, как... мы стали близки...

— У меня тоже был период, когда я собирался жениться. И тоже по этой причине. Но, ты знаешь, мне хватило пару месяцев.

— И что?

— И ничего. К счастью, ничего не произошло. Я так и сказал, что не смогу. Она уехала, и больше я её не видел. Но это была единственная девушка, с которой у меня был секс. Сам не знаю, как. Наверное, хотел обмануть сам себя. Думал, женюсь, для отвода глаз, а сам буду к парням бегать, как это делает большинство. Детей я никогда не хотел, но знаю многих мужчин, которые очень хотят и для этого и женятся.

— Я тоже не хочу детей. Сын Алана меня только раздражает.

— Почему ты до сих пор живёшь с ними? Может, тебе пора подумать о самостоятельности? Ты же уже взрослый, вопрос со службой в армии мы решили. В чём проблема?

— Не знаю. Я помогаю Алану. К тому же... так он хотя бы рядом.

Мои щёки начали жёстко гореть. Я изменил Алану и собираюсь сделать это снова.

— Так это ещё и лучше. Он сможет приходить к тебе в гости, — Герман Ильясович открыл вторую бутылку, — представляешь? Только ты и он...

— Боюсь, что тогда мы будем редко видеться. Он очень переживает за свою семью. С сыном проблемы, жена не работает и полностью на нём. Он и так выбивается из сил.

— Что за проблемы с его сыном?

— У него аутоиммунное заболевание. Пару лет назад вроде были улучшения и перспективы к выздоровлению, но потом опять пошло по новой.

Препараты хоть и дают бесплатно, но они не всегда есть, да и бесконечные обследования стоят адских денег...

— Почему ты не говорил? Возможно, я смогу помочь, по крайней мере получать все эти обследования бесплатно. У меня есть связи.

— Было бы здорово!

— Ну вот. Облегчим твоему Алану жизнь, и ты сможешь съехать от него.

— Возможно, вы правы. Тогда мне не нужно будет отчитываться ему за каждый шаг, — я в двух словах рассказал, что произошло после нашего похода в ресторан, заодно чтобы он не удивлялся моей полосатой жопе.

— Ух, какие страсти! Я бы посмотрел на эту сцену... теперь я вряд ли смогу думать о чём-то другом, кроме твоей попки. Допивай вино и пойдём в спальню.

Я тут же осушил бокал. Он поднял меня и страстно поцеловал, прижимаясь ко мне, чтобы я почувствовал вставший член в его штанах, потом расстегнул пуговицы на моей рубашке. Так постепенно мы добрались до кровати, где я снова испытал массу новых ощущений. Он связал мне руки и водил по всему телу какой-то штукой, похожей на стик. Я опять стонал и весь извивался, а потом он отлизал мне так, что я охренел. На этот раз он дал мне кончить быстро, прямо в его рот, а потом долго и очень нежно ласкал. Каждый сантиметр моего тела. Я не помню, как я уснул, а когда проснулся, он уже не спал, лёжа рядом со мной с ноутбуком в руках.

— Ты так сладко спишь, я, признаюсь, немного подсматривал за тобой. Ты меня очень сильно возбуждаешь, — он откинул полы халата, и я увидел, что его член уже в полной боевой готовности.

— Я сейчас, — я быстро смотался в туалет и, конечно, с чувством отсосал ему.

— Какой ротик... — приговаривал он, держа меня за волосы, — какой мальчик... Ммм... смотри папочке в глаза, малыш... вот так... да... даааа!!! —

он весь затрясся, и в мой рот брызнула его сперма, — эх, хотел подольше, но не сдержался... что ты со мной делаешь, просто безумие. Честно, люблю молоденьких парней, но настолько меня никто ещё не цеплял. Разве что в молодости... что ж, можно и позавтракать, пожалуй...

Я вернулся домой до Алана, хотя был уже вечер, и я боялся, что он будет дома. Впрочем, меня мог заложить Макс, который долго пытал меня, с кем я провёл ночь и целый день. Я подумал, что Герман Ильясевич прав, и надо поскорее съезжать.

Алан приехал в ночи, задержался в дороге. Он устал, да и Макс был дома, поэтому мы даже не общались толком. На следующий день он сообщил мне:

— Саид... твой отец... выходит через неделю. Не хотел тебе говорить заранее, мало ли что. Я поэтому и отвёз Миру туда на время. Он приедет к нам, хочет пока пожить здесь.

— Чёрт!

— Да, но это и его дом, несмотря на то, что некоторые считают по-другому, — Алан вздохнул, видимо, его эта новость тоже не слишком обрадовала.

С отцом мы только несколько раз созванивались за всё это время. Теперь он хотел немного отдохнуть и пожить «в родном гнезде». А там видно будет. Так он сказал Алану.

—Надеюсь, он не задержится слишком надолго. Боюсь, они с Давидом вряд ли поладят. Он же такой принципиальный.

— Я съеду, — сказал я, — буду снимать жильё. Я точно не хочу с ним жить. Мне детства хватило.

— Понимаю тебя. Но надо его всё же встретить. А то как-то нехорошо.

— Хорошо, я его встречу. Но квартиру подберу в ближайшее же время. И ты будешь приходить ко мне туда, — добавил я еле слышно.

— Я очень соскучился, — в тон мне ответил Алан, — даже не знаю, как

быть...

— Я приду к тебе, — пообещал я.

Мой любимый был очень страстен и горяч этой ночью. Сказался долгий перерыв.

— Прости за ремень, — сказал он потом, когда мы лежали, обнявшись, и он трогал мою жопу, — это перебор с моей стороны, и, конечно, я не собираюсь так делать. Я не имею никакого права причинять тебе боль. Я себя не оправдываю, но меня перемкнуло из-за этого твоего похода налево, хотя и говорил тебе, что ты полностью свободен. А тут получается, что как будто нет и как будто я считаю, что ты — моя собственность. Я много думал об этом и пришёл к выводу, что, как бы мне ни было больно, я не имею права требовать от тебя верности.

— Если бы ты развёлся с женой, я был бы тебе верен, — запел я свою любимую песню.

Алан вздохнул.

— Леон, ты всё прекрасно знаешь. Не начинай снова. Я не разведусь с ней.

— Но почему? Зачем жить с тем, кого не любишь? Для чего портить жизнь и себе, и ей?

— Я её люблю. Не так как тебя, конечно... но тем не менее... она родной мне человек... она хорошая, добрая, понимающая. Она терпит меня. Я бываю ужасен, сам знаешь.

— То, что ты описываешь, — это не любовь, — упрямо убеждал его я, — вы вообще трахаетесь?

— Нет, я же говорил тебе. К счастью, ей не надо.

— И она, типа, даже не задумывается, почему так?! Да какой же тупой нужно быть...

— Прекрати её обзывать! — резко одёрнул меня Алан.

— Ах, ну прости, прости.... Наверное, она считает, что ты сильно устаёшь на работе... или может, что ты уже того... импотент... — это было сказано совершенно издевательским тоном.

— Говорю же, ей не надо, — Алан еле сдерживался.

— Мы могли бы уехать отсюда. Ты и я.

— А что насчёт Ами?

По его тону чувствовалось, что я бью по самому больному. Он даже перестал обнимать меня. Но я уже не мог остановиться. Меня охватил тупой азарт и мысль, что я просто обязан его дожать.

— Ну, вы бы виделись периодически. Так многие живут. В конце концов, если для тебя это настолько важно, можешь забрать его себе. У вас же так часто бывает, если я не ошибаюсь. Так и быть, я согласен его терпеть. Ради тебя.

— Что за чушь ты несёшь?! — Алан сел в кровати, — ты не замечаешь, какая у них связь?! Как я могу лишиться ребёнка матери?

— Ну тогда не лишай, — я положил руки на его бёдра и уткнулся головой между его ног, — пожалуйста, Алан, будь честен хотя бы с собой. Ты же хочешь этого на самом деле...

— Я хочу быть со своим сыном, — Алан потрепал мои волосы.

Моё последнее действие его немного успокоило. Я поднял голову и посмотрел на него в упор.

— А если бы ты должен был выбрать? — мой тон был очень жёстким. Я даже сам от себя этого не ожидал, — кого бы ты выбрал тогда? А, Алан? Кого? Их или меня? Скажи! Говори! Прямо сейчас! — требовал я.

— Это невозможно.

Я вскочил.

— Ах так... ну ладно... тогда всё. Ебись со своей жёнушкой. И не лезь больше ко мне! Понятно тебе?!

Я вышел из его комнаты, со всех сил хлопнув дверью, совершенно забыв, что Макс может проснуться. Лихорадочно собрав все свои вещи, которые мало-мальски могли пригодиться, я пришёл на работу с сумкой. Алан звонил мне несколько раз, но я не отвечал. Он прислал сообщение:

«Леон, прости, я больше тебя не побеспокою. Но ты знаешь, что скоро приедет твой отец. Ты обещал встретить его. Пожалуйста, найди в себе на это силы. Я не знаю, как объясню ему, почему тебя нет. Он в любом случае захочет тебя видеть».

Мне было очень больно читать такое, особенно, что он не собирается беспокоить меня. Вот, значит, его любовь и его чувства. А я, дурак, надеялся, что подтолкну его к действиям.

«Объясни это личной неприязнью, — ответил я ему, — не хочу видеть ни тебя, ни его, отъебитесь от меня».

Герман Ильясович, заметив, что я расстроен, стал спрашивать меня, что к чему, и я передал суть нашего разговора.

— Ничего, ты всё сделал правильно. Давай так — поживёшь пока у меня. Сам видел мой дом. Ты меня никак не побеспокоишь. Я даже буду рад. А если ты начнёшь хоть немного напрягать меня, снимешь себе квартиру. Хорошо?

Конечно, меня это устраивало. Но не видеть Алана оказалось очень тяжело. Меня прямо ломало, чтобы не набрать его. Но я упорно продолжал свой игнор, несмотря на ужасное состояние. Сердце сжималось при каждой мысли о нём, а они то и дело мелькали в моей голове. Лучше всего от этого отвлекал секс. Герман Ильясович был очень опытен и вытворял такие штуки, что я каждый раз удивлялся, что такое вообще возможно. Он был доминантным в интимае, мне это нравилось, и я был не против идти чуть дальше каждый раз, когда он предлагал мне попробовать что-то новенькое.

Конечно, секс был не каждый день, но он в любой момент мог зайти и без лишних слов приступить к делу. Я не отказывал ни разу — даже если не очень хотел, аппетит приходил во время еды.

В целом всё шло своим чередом. Работа, быт — который я частично взял на себя, чтобы как-то оправдывать своё проживание: завтраки, обед по выходным и поддержание порядка. Раз в неделю приходила уборщица, а ужины готовил он сам. Так прошёл месяц. Алан периодически писал мне. Что отец хочет меня видеть, что он не причинит мне ничего плохого и что если так пойдёт, то он придёт ко мне на работу. Не знаю, зачем я тянул и игнорировал все эти послания, но однажды так и произошло. Отец заявился в конце приёма, когда мы с Германом Ильясовичем остались одни. Я обомлел, увидев его. Он очень сильно изменился и постарел. Я не стал делать вид, что рад его видеть.

— Ну здравствуй, сынок, — сказал он, — что за странное поведение? Я тебя чем-то обидел?

— Здравствуй, папа. Не хотел видеть тебя, вот и всё. Детские воспоминания.

Он сел на диван в холле.

— Нехорошо себя так вести. Это неуважение к отцу...

В этот момент из своего кабинета вышел Герман Ильясович. Отец несколько секунд смотрел на него, потом вскочил.

— Что?! — он закрыл руками лицо, как будто хотел развидеть увиденное, — да ладно, ты?!

— Простите... — Герман Ильясович как будто ничего не понимал.

Я тоже.

— Не узнал меня?! А Алию помнишь? — отец назвал имя моей матери, — и что ты с ней сделал? А?

— Я вызову полицию, если вы не покинете клинику, — предупредил Герман Ильясович.

— Чёрт с тобой, уйду. А ты давай со мной! — крикнул он мне.

— Я не пойду, — ответил я.

Пазлы в моей голове уже начали складываться, но ещё не сложились окончательно.

— Я сказал, живо!!!

— Алло, охрана, — говорил Герман Ильясович, — посторонний в помещении.

Отец понял, что дело плохо. Он переводил взгляд с меня на него, и его начало трясти.

— Ссука... — он смачно сплюнул прямо на пол, — ладно, увидимся ещё... а ты, — он обращался ко мне, — если завтра же не будешь дома, я за себя не отвечаю. Удушу собственными руками, клянусь!

Отец ушёл. И тут до меня дошло всё окончательно. Как будто по голове дали чем-то тяжёлым. Я почувствовал нехватку воздуха, начал задыхаться, в ушах загудело.

— Леон...

Герман Ильясович едва успел подскочить, чтобы поймать меня на руки. Я помню запах нашатыря, как он пытался привести меня в чувство, как мы ехали домой на машине... но всё урывками.

Кажется, он ничего не понял. Или делал вид. У меня же началась истерика, в которой сквозь рыдания я выдавал фразы:

— Он мне не отец, он сам признался в этом! Мать была беременна! Как вы не можете понять!!!

Он вколол мне какой-то укол, я даже не заметил, как, почувствовав только жжение в верхней части ягодицы.

— Хорошо. Я понял. Успокойся уже. Зачем так истерить? Что это изменит? Было бы хуже, если бы ты был моей дочерью и родил от меня ребёнка. Ну, так бывает. И вообще, это ещё надо выяснить. Не убивайся заранее.

Я уснул. Утром не стало легче. Вся эта ситуация накрыла с головой. А тоска по Алану добила ситуацию.

Германа Ильясовича не было, я ходил по дому, как дикий зверь по клетке. Он приехал днём. Теперь я чётко видел в нас похожие черты, это казалось очевидным.

— Не получилось полностью отменить приём, — объяснил он, — поехали в лабораторию, сделаем тест. Я уже записался.

Я не мог смотреть на него.

— Ну перестань, — он обнял меня за плечи, — в любом случае, ничего плохого не произошло. Все живы. Поехали.

В лаборатории мы сдали слюновые мазки, а через неделю обещали дать ответ. Мы вышли на улицу.

— Я поеду... домой, — сказал я.

— Хорошо, я закажу тебе такси. Но очень надеюсь увидеть тебя на работе после выходных. Ты же понимаешь, даже если ты захочешь уйти совсем, я не смогу так быстро найти замену.

— Да, хорошо.

— И прошу — не гоняй. Как бы там ни было, мы разберёмся.

Увидев Алана, я с трудом сдержался, чтобы не кинуться с рыданиями на его шею, но слёзы сдержать не смог. Мы переглянулись ТАК, что мурашки пошли по всему телу.

Все были дома, и я ненавидел их всех одинаково.

— Сынок! — отец явно был подшофе, — наконец-то!

Он театрально обнял и расцеловал меня, размазав слёзы по лицу довольно грубыми движениями.

— Пойдём пообщаемся. — он взял со стола бутылку, в которой уже не было половины, и две рюмки.

— Саид, ему не обязательно пить с тобой, — сказал Алан.

— Спасибо за заботу, брат, — ответил отец, — я сам разберусь.

Мне было уже всё равно. Мы пошли в дальнюю комнату, ту самую, где мы «общались» с Аланом после ссоры с Давидом, сели у окна, и он наполнил рюмки.

— За встречу, сынок.

Я смотрел на него, не представляя, что произойдёт в следующий момент. Он мог запросто ударить меня.

— Значит, не уважаешь отца, да?

— Это не так. Я не хотел тебя видеть, вот и всё, — я смотрел прямо на него, стараясь выдержать взгляд и не отвести глаз, — детские травмы, я же объяснил.

Он снова наполнил рюмки.

— Ммм... ну ладно тогда, — в следующую секунду он вlepил мне затрецину, — травмы, говоришь?

Я закрыл лицо руками, и очередной удар пришёлся в живот. Он никогда не бил меня ремнём, только кулаками, обычно делая это в пол силы. Но не сейчас. Но всё же я научился немного драться за это время, поэтому, вскочив, сжал кулаки, готовясь сцепиться с ним. Но он как будто не собирался продолжать.

— Ладно, хватит с тебя. Пей давай.

— Не хочу, — выдавил я.

— Да и чёрт с тобой, — он выпил обе рюмки, — смелый стал, я смотрю. Вякаешь тут... в общем, поздравляю тебя, ты работаешь на конченого пидораса.

— Который мой биологический отец?

— Хммм... так я, значит, рассказал тебе? И что я рассказал?

— Что он бросил маму, когда она была беременна, — я так и стоял поодаль, сжав кулаки.

— И всё?

— Всё.

— Можешь себе представить, каково незамужней беременной девушке было здесь жить, а? Пришлось спасать, увозить. Я — герой, мать её. Только всё равно она сгинула, но уже не из-за меня. Я ему морду тогда хорошо расквасил, чтоб запомнил, сука. Такие твари должны отвечать!

Дверь комнаты открылась, и вошёл Алан. На нём не было лица.

— Саид, там к тебе пришли какие-то люди. Я прошу, ты можешь решить свои вопросы так, чтобы они сюда не приходили? Я не хочу, чтобы наш дом превратился не пойми во что!

Отец вышел, а Алан бросился ко мне.

— Мальчик мой... любимый... — шептал он, целуя меня, — сейчас мы уедем. Я скажу Саиду, что мне нужна твоя помощь. Мы всё обсудим... я с ума сходил всё это время, не могу ни с кем общаться, ничего делать. Как будто сердце из меня вырвали.

Я еле сдержался, чтобы не разрыдаться. Вскоре вернулся отец.

— Ну всё, брат, они сюда не придут. Не нервничай.

— Спасибо. Я хочу забрать Леона, если ты не против. Нужна его помощь.

— Забирай, — махнул рукой отец, — всё равно с пацанами надо переговорить. Ладно, сынок, не держи зла на меня. Приехал бы ты сразу, я б тебя не тронул.

— Он ударил тебя? — спросил Алан, когда мы сели в машину.

— Да. Заебал. Ненавижу его.

Алан очень не любил, когда я матерился, но даже ничего не сказал. Мы ехали долго, наверное, час. Я никогда не был в этом месте. Нас ждал маленький домик на краю какого-то поселения.

— Герман Ильясевич — мой отец, — сообщил я Алану, когда мы остались за закрытой дверью, — и я спал с ним, если ты не в курсе.

— Я догадывался... — Алан обнял меня и крепко прижал к себе, — ничего, солнышко... Ты же не знал. Ничего. Мы пройдем через это всё. Пройдем вместе. Я совсем, совсем без тебя не могу. Мне не нужна эта жизнь... без тебя.

Он отвёл меня в комнату, где на полу лежал большой матрас с подушками и покрывалом и больше ничего. Но нам ничего было и не нужно.

— Я купил этот дом. Про него никто ничего не знает, — сказал Алан после того, как мы как следует насытились друг другом, — он очень уединённо расположен, специально для нас...

— Значит, это всё, что у нас будет? — ухмыльнулся я, — Этот домик и всё?

— Пока да. Это же лучше, чем ничего.

— Но я думал, ты реально что-то понял. А ты покупаешь домик вместо того, чтобы на эти деньги уехать подальше отсюда. Вдвоём.

— Леон, пожалуйста, не мучай меня. Я и так чувствую себя кругом виноватым. Перед тобой, перед Мирой, перед сыном...

— А сказать тебе, что я чувствую и что хочу на самом деле? — я снова был зол на него и хотел сделать очень больно, — хочу, чтобы они все сдохли. Все до единого. Я их всех ненавижу. Всех! В этой жизни нет ничего хорошего! Мы могли сделать лучше, но нет! Мы будем скрываться как преступники, как будто совершаем что-то мерзкое и страшное, а мы всего лишь любим друг друга! А ты просто трус.

Я отвернулся от него.

— Леон, я знаю, что ты так не думаешь. Ты не можешь хотеть смерти, даже Саиду. А уж тем более Ами, не делай из себя монстра. Это сейчас говоришь не ты.

— Да, это мои демоны мной управляют, — хмыкнул я, — и, если честно, я не против. После того, что произошло, мне нечего терять. Я теперь, знаешь, как опустившийся ниже дна, ничего не боюсь. А ты, ты думал, что будешь

делать, если вдруг всё откроется? Если нас застукают? Если твои братья или твоя жена всё узнают, что тогда?

— Тогда — всё. Всё будет кончено.

О, как же он взбесил меня этой фразой! Я набросился на него, но не добился этим ничего, кроме того, что он схватил меня за запястья и вжал в матрас, так что мои жалкие движения напоминали трепыхание бабочки в паутине.

— А что ты хотел услышать, Леон? Ты же знаешь, как здесь всё устроено. Знаешь, как мыслит большинство, — он как будто уговаривал меня принять его мнение, — ну, допустим, мы уедем. Но тогда и Мира должна ехать с нами. И как я ей это объясню?

— Ладно, чёрт с ней! Раз ты не можешь без неё, пусть едет. Скажи ей, что ребёнку будет лучше в столице, что там больше шансов его вылечить. А ещё больше их за границей, придурок! И если бы ты реально переживал за Ами, ты бы уже давно об этом задумался. Я не хочу здесь жить, не хочу, не хочу! Как ты не понимаешь, я ебался с собственным отцом! Пожалуйста, Алан! Не будь таким конченым идиотом!

Я рыдал. Он пытался успокоить меня, продолжая удерживать за руки и одновременно целуя и уговаривая:

— Хорошо, хорошо, солнышко, ты прав. Мы решим, как поступить. Обещаю, я сделаю всё возможное, и невозможное тоже. Малыш мой, любимый, ну не плачь. Мы же есть друг у друга, несмотря ни на что.

Я забылся в его объятиях до утра. Уже засыпая, слышал, как он объяснял кому-то, что мы застряли в дороге.

Меня разбудило утреннее солнце. Его луч светил сквозь стекло прямо на мою подушку. Дверь была открыта, и я слышал журчание воды. Как оказалось, это была горная речушка, стекающая сверху прямо на участок. Я вышел из домика. Алан сидел на корточках с закатанными штанинами у края речушки и полоскал там какую-то вещь. Он был красив как бог. Волосы кудрями спускались к плечам, икры и предплечья, покрытые лёгким весенним

загаром, играли мускулами. Я в порыве подлетел к нему и поцеловал прямо в губы. Он, не удержавшись, упал на землю, я вскочил на него сверху и снова поцеловал, на этот раз в мощный засос. Он брызнул в меня водой, я ответил ему тем же, мы хохотали и веселились, как дети, а потом побежали греться под одеяло в объятия друг друга. Время пролетело незаметно, и, как бы мы ни мечтали остаться здесь подольше, пришла пора возвращаться.

Дома происходил полный трэш. Отец с Давидом решили выяснить отношения. Мира сбивчиво объясняла Алану, что творилось в наше отсутствие. Я слушал, и волосы вставали дыбом. Это уже походило на какую-то войну кланов. Давид привёл своих дружбанов, отец тоже не остался в долгу, они устроили массовую драку, он уже успел обзавестись здесь поддержкой сообщников, некоторых задержала полиция, и сейчас они давали показания в участке...

— Давайте уедем отсюда, пожалуйста! — буквально взмолился я, хватая Миру за плечи. Она посмотрела на меня как на безумного.

— Почему мы должны уезжать из собственного дома? Надо просто помирить их, они же братья.

Я беспомощно посмотрел на Алана. Тот развёл руками.

— Мира права. Мы не можем просто убежать. Не сейчас. Отец на кухне соорудил что-то похожее на самострел.

— Саид, что это? — спросил Алан, хотя всё было понятно.

— Пусть только заявятся сюда, узнают, что такое настоящий мужской разговор.

— Ты что, убьёшь родного брата?! — это был Макс. Он встал рядом с Аланом, пытаясь воззвать к отцу, но всё было бесполезно.

— Саид, подумай, что вы устроили?! Ты снова уедешь на зону, вот и всё!

Это был главный аргумент, который мог заставить отца задуматься. Но он тоже не сработал.

— А ну иди сюда, помоги мне, — приказным тоном сказал отец, обращаясь ко мне.

— Нет, — ответил я и он уже хотел ударить меня, но Алан загородил меня собой.

— Хватит, Саид. Угомонись. Не надо вмешивать сюда нас, пожалуйста.

— Не хотите вмешиваться, значит не стойте на моём пути. И не ссы насчёт зоны, скорее там окажется Давид. У меня всё схвачено, копы на меня работают, мы уже всё порешали. Не ожидал я от братца такого, ну да ладно. А ты, ссыкло ебаное, уберишь с моих глаз, чтобы я тебя не видел. Иначе пиздец тебе, лично башку откручу.

Я не стал вступать с ним в спор, думая только о том, как уговорить Алана как можно скорее свалить отсюда. Конечно, ни о каком спокойном сне не шло и речи. Ночью, услышав стрельбу, я прибежал к ним в спальню. Амир плакал, Алан натягивал одежду.

— Не ходи туда, — попросил я его, преграждая проход, но он отодвинул меня в сторону:

— Там Мира, я должен идти. Побудь, пожалуйста, с Ами, — он вручил мне ребёнка, который обеими руками вцепился в меня и тихонько завыл:

— Мапочка... мамочка моя...

— Я сейчас, сынок. Сейчас схожу за мамой, — Алан чмокнул его в щёку и провёл рукой по моему лицу, — я быстро.

Буквально через несколько минут я услышал звуки выстрелов, душераздирающий вопль Миры и снова выстрелы. Посадив Ами на кровать и уже ничего не соображая, я вылетел из дома. Передо мной разверзлась страшная картина: Алан лежал на земле, и по белой футболке, в которую он был одет, расплзлось красное пятно. Оно росло и росло прямо на глазах. Я бросился к нему, больше ничего вокруг не видя и не понимая. Я тряс его за плечи, но он не шевелился.

— Алан!!!! Алан!!!!

Я слышал свой голос как будто со стороны. Меня оттащили от него какие-то люди, куда-то поволокли, затолкали в машину, вставив кляп в рот. Я пытался драться с ними, я хотел к Алану, но их было трое, и они удерживали меня со всех сторон. Машина резко тронулась с места. Я продолжал рычать и вырываться, пока вконец не выбился из сил. Попутно меня били, но я ничего не чувствовал, думая только о том, что Алан остался там и что мне надо к нему.

Очнулся я в каком-то подвале, связанный по рукам и ногам, всё тело жутко болело, было адски холодно, и только в этот момент пришло осознание, что всё кончено. Алана больше нет. Я завыл от этого, мечтая о смерти и надеясь, что она придёт ко мне как можно скорее. Но эти люди не собирались убивать меня. Как только я стал издавать какие-то звуки, в подвал вошли двое. У обоих были автоматы наперевес. Один пнул меня огромным армейским сапогом, но другой остановил его. Он поднял меня за шиворот и вытащил кляп изо рта.

— Слушай сюда, сучка, — сказал он мне с очень сильным акцентом, — сейчас будешь делать так, как мы скажем, если не хочешь лишиться яиц и других органов. Или чтобы твою жопу разорвали пополам... ты нам интересен только потому, что у твоего папаши есть бабло. Так что, если будешь хорошо себя вести, есть шанс выйти отсюда целым. Если нет — тебе пизда. Но очень медленно и больно. Ты понял?

Я ничего ему не ответил, и он снова сильно ударил меня ногой. Я ударился головой об стену и отключился. Я сразу увидел Алана сидящем на берегу реки. «Ура, он жив!» — мелькнула мысль. Я побежал к нему, но, не добежав, упал в ледяную воду, а когда открыл глаза, понял, что меня просто поливают водой из ведра. Осознав, что это всё мне привиделось, я опять завыл как зверь. Они сняли меня на телефон и оставили лежать на холодном полу. В голове присутствовала одна мысль: «Хочу умереть. Хочу уйти за ним. Мне не нужна больше эта жизнь без любимого».

Не знаю, сколько времени прошло, может, оно остановилось для меня, может, наоборот, шло слишком быстро. Я уже очень сильно замёрз

и не ощущал конечностей. Меня грубо подняли и куда-то повели. Я плохо соображал и видел тоже всё смутно, но изображение Германа Ильясовича на экране смартфона всё же разглядел.

— Леон, я скоро заберу тебя отсюда, — пообещал он.

Это всё, что я понял. После этого со мной обращались довольно бережно. Накормили каким-то супом и дали тёплое одеяло. Несмотря на нежелание жить, от еды и тепла немного полегчало, и в голову вдруг закралась мысль: а что, если он не умер? Может, он всего лишь ранен и лежит в больнице? Бывает же такое. Но пятно, расплзающееся по белой футболке, стояло перед глазами. После таких ран не живут, а он даже не шевелился. Непроизвольно я начал шептать «Алан, Алан»... бесконечно повторяя его имя. Из глаз лились слёзы.

— Заткнись ты уже, — толкнул меня один из бандитов, — достал нить. Помер твой родственничек. Нехуй лезть было, был бы жив. И он, и баба его. Они так-то и не нужны были... чёрт.

Его подельник резко начал говорить с ним на их языке, и они ругались между собой как на базаре.

— Вы убили его! Убили Алана! — какие-то неведомые силы подбросили меня с места. Я накинулся на одного из бандитов и сжал руки на его шее. Я не знаю, откуда во мне взялось столько сил. Он начал задыхаться, пока его напарник пытался оторвать меня от него.

— Сдохни! Сдохни! Сдохни! — орал я, продолжая сжимать пальцы. Он рухнул на пол, сотрясаясь в конвульсиях, когда другому удалось схватить меня за локти. Он жёстко связал меня, но не бил, наверное, договор был «не портить товар».

— Алло, — услышал я, — условия меняются. В общем, ещё столько же. Дело тут серьёзное, службу придётся вызывать, а это, сам понимаешь. В течении часа жду или буду по кусочку отрезать.

Он ходил взад-вперёд по подвалу, крутя в руках нож и периодически нависая надо мной, как будто разглядывал. «Хоть бы он скорее убил меня, —

думал я, — это единственный шанс увидеться с Аланом». Хотя я никогда не верил ни в какую жизнь после смерти.

Вскоре мой биологический отец приехал за мной и привёз в свой дом. Я избегал смотреть на него.

— Тебе придётся уехать, Леон. Я договорился, тебя отвезут на вокзал, доедешь на поезде до Москвы, с проводником. На вокзале тебя встретят, мой знакомый. Он поможет быстро сделать паспорт и взять билеты до Берлина. Заодно отлежишься там, немного придёшь в себя. Дальше будем думать. Понимаю, как тебе сейчас плохо, но у нас нет другого выхода.

— Когда похороны? — хрипло спросил я.

— Три дня назад похоронили. Алана, Миру и Давида. Макс заберёт Амира, а пока тот у бабушки с дедушкой, стресс сильный у мальчика. Ты не переживай за него, я помню про наш разговор. Мы с Максом на связи, он сказал, уехать хочет отсюда. Слишком тяжело ему здесь оставаться.

— Я могу его увидеть?

— Нет, машина через час, ты даже отдохнуть не успеешь. Только в душ сходить и поесть. Макс там вещи твои передал. Возьми только самое необходимое. Давай, Леон, побыстрее.

Когда я вышел из ванной, равнодушно рассмотрев свои синяки и побои, он добавил:

— Тест ДНК подтвердил, что мы родственники. Девяносто девять из ста.

Я кивнул. Я не понимал, что чувствую сейчас, и вполуха слушал про таблетки, которые мне надо принимать некоторое время.

Что меня ждёт впереди — неизвестно. Внутри пустота. Я — убийца. Человек, который спал с собственным отцом. Потерявший любовь, не ценивший её, конченный эгоист. Ну и ладно. Будь что будет. Поживу пока.